

✓ $\frac{121}{1906}$

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

К. Д. Носиловъ.

У ДЖКАРЕЙ.

РАЗСКАЗЫ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Москва.—1915.

Цѣна 25 к.

- НОСИЛОВЪ, К. Д. Золотое время.** Очерки и рассказы. Волки.— Никифоровна.— За саранками.— Зося.— Сестра Оля.— Мои первые путешествія.— На колокольнѣ. 2-е изданіе. Съ рис. Ц. 45 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. уч. завед. (Отнош. № 2101, отъ 20 янв. 1911 г.).
- **Въ снѣгахъ.** Очерки и рассказы. Ц. 50 к. 8-е изданіе. У. К. М. Н. Пр. одобрена для ученич. младшаго возраста библиот. средних и низшихъ учебныхъ заведеній и допущена въ безплат. народ. чит. (Отн. № 14880, отъ 19 марта 1914 г.). Одобрена для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ. Гл. Управл. Военно-Учебн. заведеній книга рекомендована для приобрѣт. въ библ. кадет. корпус. для чтенія кадетамъ I и II классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1901 года).
- **На охотѣ.** Галейко.— Изъ жизни киргизовъ.— Пасха среди самоѣдовъ.— Дѣдушкины журавли.— Дядя-кузнецъ.— Неудачный день. 3-е изданіе. Ц. 30 к. Гл. Упр. Военно-Учебн. заведеній книга рекомендована для приобрѣт. библ. кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетамъ I и II классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1905 г.) Одобрена для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. учебныхъ заведеній. (Отнош. № 2101, отъ 20 янв. 1911 г.).
- **На диномъ Сѣверѣ.** Первый сборникъ рассказовъ. Яхурбетъ.— Птичій островъ.— Дѣдушка-вогулъ и его внуки. 2-е изданіе. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплат. библ. и чит., а также въ ученич. библ. городскихъ училищъ. (Отнош. № 2248, отъ 15 янв. 1913 г.).
- **На диномъ Сѣверѣ.** Второй сборникъ рассказовъ. Счастливая ловля.— На родинѣ.— Ворона.— Наши инженеры.— Въ гостяхъ у остяка.— Судь. 2-е изданіе. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплат. библ. и чит., а также въ ученич. библ. городскихъ училищъ. (Отнош. № 2248, отъ 15 янв. 1913 г.).
- **Въ лѣсахъ.** За карасями.— На лабазѣ.— Бѣлая рукавичка.— Керка.— Внукъ. 3-е изд. Съ рис. Ц. 25 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низшихъ учебныхъ заведеній и въ безпл. библ. и читал. (Отношеніе № 23555, отъ 4 мая 1914 года)
- **Таня Логай.** Рассказъ изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ. 5-е изд. Ц. 10 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. учебн. завед. (Отнош. № 29139, отъ 10 іюля 1914 г.).
- **У рыбаковъ и звѣролововъ Сѣвера.** Съ рис. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. училищъ. (Отн. № 27744, отъ 13 іюля 1912 г.).
- **Исторія одной полярной зимовки.** Рассказъ. Съ рис. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П. книжка допущена въ ученич. библ. низш. учебн. завед. (Отнош. № 24529, отъ 9 іюля 1913 г.).
- **За полярнымъ кругомъ.** Ц. 35 к. Съ рис. О. О. У. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библ. низш. учебн. завед. (Отн. № 49121, отъ 9 дек. 1912 г.).
- **Рассказы для дѣтей.** Первый сборникъ. Съ рис. Ц. 25 к.
- **Рассказы для дѣтей.** Второй сборникъ. Съ рис. Ц. 35 к.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

К. Д. Носиловъ.

У ДИКАРЕЙ.

РАЗСКАЗЫ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Издание редакціи журнала «ЮНАЯ РОССИЯ»

Москва, Большая Молчановка, д. № 18.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА.

Арбатъ, Никольскій, 21.

1915.

2007084146

На Шараповыхъ Кошкахъ.

I.

Это было въ послѣднее мое путешествіе по Карскому морю.

Я тихонько пробирался изъ Мутнаго залива къ Шараповымъ Кошкамъ на маленькой самоѣдской шлюпкѣ, какія только и дѣлаютъ они для промысловъ въ этомъ морѣ. Разстояніе было что-то около 60 верстъ, и, признаться сказать, было жутко пускаться въ такое далекое плаваніе.

Но день былъ такой тихій, и какъ-то невольно хотѣлось попытать счастья.

Насъ было трое въ этой шлюпкѣ и пара собакъ. Собаки, казалось, были совершенно лишними; но ужъ такъ созданы самоѣды, что они никогда не расстаются, даже въ морѣ, съ своими друзьями-собаками.

Впрочемъ, на Шараповыхъ Кошкахъ можетъ встрѣтиться бѣлый медвѣдь и представиться рѣдкая охота, которая безъ собакъ ровно никакого интереса не представляетъ. И умные псы, казалось, даже предчувствовали это еще на берегу: какъ только мы уложили свои ружья, они вскочили въ шлюпку и быстро и ловко устроились на самомъ ея носу.

Какъ этимъ псамъ, такъ и ихъ счастливымъ хозяевамъ море было совершенно нестрашно: они равнодушно оттолкнулись отъ берега, взяли свои весла и выгреблись на просторъ залива; а какъ только набѣжалъ первый вѣтеръ, поставили мачту, развернули парусъ, какъ настоящіе спортсмены.

Не спѣша были вынуты изъ-за пазухъ трубки, не спѣша были набиты табакомъ, и въ чистомъ воздухѣ моря до меня донесся запахъ махорки. Самоѣды торжествовали; легкій вѣтеръ легко несъ шлюпку по желательному направленію, и начались ихъ радушные, довольные разговоры.

Эти дикари—тѣ же путешественники-ислѣдователи: вся ихъ жизнь проходитъ въ такихъ рискованныхъ поѣздкахъ; ихъ любимое привычное дѣло заключается въ подобныхъ розыскахъ новаго и неизвѣстнаго, вмѣстѣ съ удалой охотою, промысломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что только и красить ихъ бродячую жизнь.

Кромѣ того, это лучшіе проводники нашего Сѣвера, и, кажется, скажи имъ завтра, что вы отправляетесь къ Сѣверному полюсу, они и тутъ не отстанутъ отъ васъ, даже не подумавъ объ опасности, лишеніяхъ и семьѣ.

Выходимъ изъ Мутнаго залива въ открытое море; оно сегодня немного волнуется, но парусъ шлюпки прекрасно поддерживаетъ ее на высокихъ волнахъ, осторожно спускаетъ ее въ пропасти и словно перышко поднимаетъ снова на высокій, грозно накатывающійся взводень. И только порой, вслѣдствіе полного равнодушія къ этимъ волнамъ нашего смѣлаго кормщика, на бортъ шлюпки вдругъ набѣжитъ бойкая волна, поднимется надъ ней на секунду съ шипящею пѣною, словно только заглянетъ туда, чтобы въ слѣдующій же моментъ остаться за бортомъ. Да еще немного жутко становится, когда наша шлюпка, накренившись на бокъ отъ небольшого набѣжавшаго шквала, вдругъ словно осядетъ въ водную пучину, скатится съ крупной волны, зароется на секунду-другую въ эту синюю пропасть; но смѣло, быстро, во-время вдругъ выпрямится, подхватитъ ее парусомъ, и она поднимется изъ пропасти, словно гордясь, что несетъ на себѣ человѣка.

Боязнь живо пропадаетъ у васъ; вамъ нравится даже такое захватывающее духъ ныряніе между высокими, пологими морскими волнами, и вы гордитесь этой шлюпкой, готовы плыть на ней весь день, управляемой умѣлою рукою человѣка.

Вамъ не страшно даже тогда, когда вдругъ, словно шутя, заглянетъ къ вамъ въ самую шлюпку какая-нибудь шаловливая волна и брызнетъ вамъ въ лицо и въ колѣна, словно заигрывая съ вами своими солеными брызгами.

Недовольно поворачиваются на море только псы, когда ихъ особенно обдасть солеными брызгами, и имъ приходится потомъ долго облизывать свой пушистый костюмъ, приводя его въ порядокъ.

Но черезъ какой-нибудь часъ плаванія мы выходимъ за мысъ; волненіе сразу стихаетъ; на водѣ попадаются первыя одинокія льдинки—вѣстницы морского льда,—и вдали показывается темный занавѣсъ тумана.

Самоѣды говорятъ, что скоро будутъ льды, и даже оживаютъ при ихъ появленіи, предвкушая охоту.

Еще немного времени, и мы незамѣтно входимъ въ область льдовъ, которые насъ теперь окружаютъ со всѣхъ сторонъ.

Совсѣмъ другая картина. Совсѣмъ другое плаваніе. Совсѣмъ другая обстановка.

Кажется, что вы не въ морѣ, а у берега, кажется, что вы плывете, пробираетесь на шлюпкѣ какими-то проливами, озерами, полыньями, съ бѣлыми ледяными берегами, что вы въ какомъ-то лабиринтѣ словно неподвижныхъ льдовъ, на совершенно гладкой поверхности тихой воды, съ островками изъ льдовъ на ней, въ той красивой, разнообразной, оригинальной обстановкѣ полярнаго моря, которую только и можно встрѣтить въ этихъ сѣверныхъ широтахъ.

Вы плывете и забываете, что вы въ морѣ; вы плывете и любуетесь этими отдѣльными бѣлыми причудливыми льдинками, съ отраженіемъ въ темной водѣ; вы плывете и не можете насмотрѣться на отраженіе этихъ льдинъ, на формы ихъ, на игру ихъ изломовъ при свѣтѣ яркаго солнышка; вы плывете и созерцаете всѣ эти нѣжныя краски, ко-

торыя вамъ хочется перенести на фотографическую пластинку.

Какъ хороши эти высокія льдины! Какъ акваринъ, изумрудъ въ изломахъ своихъ, причудливыя, красивыя, оригинальныя, звенящія при стлкиваніи! Какъ хороши эти открытыя полыньи, съ отблескомъ солнца, раздробившагося на тысячи искръ! Какъ хороши эти бѣлые берега, неподвижныя, съ блестящими озерами стоячей, тихой воды, на которыхъ бьется, гудитъ голосами своими, поднимается и перелетаетъ при видѣ васъ разная морская птица. Чайки — крикливыя, бѣлыя, верткія на лету; бойкіе нырки, зачѣмъ-то плавающіе на этихъ ледяныхъ озерахъ, что-то промышляющіе тамъ; бѣлыя, съ длинными красивыми перьями въ хвостѣ, ледяныя аллеи...

Мѣстами тутъ же тюлень, — жирный, лѣнивый тюлень, распластавшійся на тепломъ солнышкѣ, грѣющій спину пятнистую свою, выворотившій брюшко свое серебристое, и даже похлопывающій по нему своими лапами въ истомѣ нѣги.

Милая картина полярной природы! Вы спокойно наблюдаете ее минутами въ сильный бинокль, близко подкрадываетесь къ спящему животному, вамъ хотѣлось бы схватиться даже за ружье, если бы только впереди не дальняя дорога.

Какъ хороши морскія полыньи, — темныя, неподвижныя среди неподвижныхъ, бѣлыхъ, снѣжныхъ береговъ, отливающихъ на солнцѣ! Вода — какъ темное зеркало. Берега — какъ бѣлая рамка. И на этомъ темномъ, неподвижномъ зеркалѣ, только нарушаемомъ нашими веслами, то тутъ, то тамъ неожиданно — голова тюленя. Расходятся темныя водяные круги; намъ видны черныя, лю-

бопытные, большіе глаза животнаго; оно подплываетъ порою къ самой нашей шлюпкѣ, теперь остановившейся; показывается у самага нашего борта и вдругъ кувыркается, обдавая насъ брызгами и показывая намъ круглую, гладкую спину.

Но мы стоимъ, зная привычки этого любопытнаго морскаго животнаго, тихонько постукиваемъ

веслами о бортъ нашей шлюпки, посвистываемъ, застывъ неподвижно на мѣстѣ. И голова тюленя снова передъ нами на поверхности воды; она поднимается, высовывается сначала осторожно, потомъ смѣлѣе и смѣлѣе показывается вся. Потомъ тюлень становится вертикально и показываетъ свою сѣрую пышную грудь, затѣмъ плыветъ, сердито отдувая усы, какъ бы съ намѣреніемъ драться за то, что мы нарушили тишину этой полыньи, и снова шумно опускается въ свои родныя воды, рядомъ съ бортомъ нашей шлюпки.

А сколько птицы морской носится надъ нами въ воздухѣ, сколько криковъ, говора милаго, непонятнаго въ этой тишинѣ полярной природы, сколько звуковъ и шелеста крыльевъ!

Какъ очаровательны эти бѣлыя аллеи, съ бѣлоснѣжнымъ опереніемъ, съ хорошенькими головками уточекъ, съ красивыми движеніями смирной птички. Онѣ нисколько не боятся человѣка, — подпускаютъ его на самое близкое разстояніе, позволяютъ разсматривать себя минуту времени. и только тогда, сами разсмотрѣвъ человѣка, шумно поднимаются съ тихой воды, оглашая воздухъ звонкими голосами.

„Аллы, аллы, аллы“, словно привѣтствуютъ онѣ насъ; и эти странные крики таютъ въ тихомъ воздухѣ. „Аллы, аллы, аллы“ долго еще слышится вдаль, словно разнося вѣсть о появленіи человека.

А то вдругъ налетитъ на насъ стадо пестрыхъ, красивыхъ гагъ, съ такимъ милымъ задушевымъ говоромъ, съ такимъ чуднымъ опереніемъ, что, кажется, не налюбуйешься ими. Большое, шумное стадо гагъ, нарочно проносящихся надъ самою лодкою, чтобы разсмотрѣть, кто тамъ плыветъ, поворачиваетъ еще не разъ изъ любопытства, когда помашешь ему рукою.

Жаль поднять ружье и выстрѣлить въ такое стадо. Не хочется нарушать этой тишины. Не хочется обижать это довѣріе къ человеку.

II.

Въ созерцаніи этой картины незамѣтно проходитъ время; мы недалеко уже отъ мыса Салэ; самоѣды говорятъ, прищуриваясь, что видны уже берега Шараповыхъ Кошекъ, но надъ ними нависъ густой туманъ, и я ничего не могу разсмотрѣть даже въ бинокль, кромѣ какихъ-то словно ледяныхъ торосовъ, поднявшихся въ воздухъ. Это не острова, а словно подводныя мели, протянувшіяся длинной узкой косою въ море, вдоль берега; быть-можетъ, старые берега этого полуострова, давно уже смытые моремъ.

Это и есть мѣсто крушенія славнаго „Ермака“, на которомъ плавалъ въ шестидесятихъ годахъ молодой штурманскій офицеръ гр. Крузенштернъ, потерпѣвшій здѣсь крушеніе, и спасенный вотъ такими же самоѣдами, какіе ѣхали теперь со мною на эти Шараповы Кошки.

Они хранятъ еще въ этой полярной тундрѣ самыя живыя о немъ воспоминанія; они разсказываютъ объ этомъ событіи, какъ будто оно было только вчера; они опишутъ вамъ не только его, но и его громадную сенберnardскую собаку; они подробно разскажутъ вамъ всю исторію его спасенія, гдѣ это было и какъ, словно это было на ихъ глазахъ и не такъ уже давно, чтобы они могли это забыть.

Страна ихъ такъ бѣдна событіями, что они сохраняются въ ихъ памяти цѣлыя столѣтія. Жизнь ихъ такъ бѣдна, что эти событія у нихъ передаются какъ легенды, изъ поколѣнія въ поколѣніе; страна ихъ такъ бѣдна воспоминаніями, что они не мо-

гутъ удержаться, чтобы не передать своему случайному спутнику то, что знаютъ.

И, слушая ихъ разсказъ, я былъ увѣренъ, что они также живо будутъ передавать впослѣдствіи и мое путешествіе съ ними на этой лодочкѣ къ Шараповымъ Кошкамъ, быть-можетъ, черезъ цѣлыя столѣтія—въ видѣ легенды.

Живая лѣтопись этихъ полярныхъ, пустынныхъ странъ, въ устахъ этихъ дѣтей природы, не нуждается ни въ перѣ, ни въ бумагѣ: она правдиво, характерно, по-своему передаетъ событія, перемѣшанные съ ихъ взглядами, вѣрованіями, суевѣріями, превращаетъ ихъ со временемъ въ легенду.

Гдѣ-то тутъ, на этомъ мысу Салэ, по ихъ словамъ, есть камень. Онъ называется ими уже камнемъ Крузенштерна, вѣроятно, положеннымъ имъ для опредѣленія широты или мѣста своего крушенія; но камень уже превратился въ священный камень и обоготворяется ими; они даже поклоняются и приносятъ ему жертвы.

Станный народъ, связывающій рѣшительно все съ своимъ суевѣріемъ. Высокій курганъ, который поднялся на ихъ плоской, однообразной тундрѣ, поражаетъ ихъ воображеніе; оригинальное очертаніе берега объясняется ими по-своему, игрою злыхъ и добрыхъ боговъ; камень, случайно занесенный ледниковымъ теченіемъ въ эту страну мховъ и глины, появленія котораго они не могутъ иначе объяснить, они считаютъ прихотью боговъ, которымъ обязательно нужно тутъ приносить жертвы.

Я скоро привыкаю окончательно къ этому плаванію среди льдовъ; мнѣ кажется, что мы у берега, мнѣ кажется, что мы не въ морѣ, порою мнѣ

даже хочется выпрыгнуть на эти бѣлые, снѣжные, ледяные берега, побѣгать по нимъ, согрѣться отъ сырости и холода, которые уже забрались подъ мою одежду.

Но мои проводники не позволяютъ мнѣ этого, они говорятъ, что эти льды опасны, что они могутъ затереть насъ и унести въ открытое море и выбросить тамъ, что нужно торопиться поэтому и скорѣе пробраться къ проливу Шарапову, тѣмъ болѣе, что тамъ виситъ густой туманъ, и нужно попасть туда, пока онъ совсѣмъ не опустился на землю.

Я спрашиваю ихъ, что будетъ съ нами, если унесутъ насъ льды, но и это, повидимому, также имъ знакомо и ими испытано, какъ самое наше плаваніе.

Они говорятъ, что съ ними есть ружье и припасы; они увѣряютъ, что трудно человѣку умереть съ голода, даже носясь недѣлями по морю, такъ какъ въ немъ, среди льдовъ, много разной птицы и звѣря морского, съѣдобнаго; а быть захлестнутыми волненіемъ они не боятся, потому что ихъ спасеніе—эти же самые льды, которые вѣчно кружатся въ этомъ морѣ и когда-нибудь да вынесутъ человѣка къ берегу, если не перебросятъ и не поднесутъ куда-нибудь къ Новой Землѣ или къ острову Вайгачу.

И они говорятъ объ этомъ ровно съ такимъ же спокойствіемъ, какъ о плаваніи среди льдовъ къ Шараповымъ Кошкамъ.

Они не боятся даже самой бури въ этомъ ледяномъ морѣ, когда льды набрасываются другъ на друга съ грохотомъ, осыпая другъ друга обломками и снѣгомъ; когда льдины качаются, какъ въ

люлькѣ, на этихъ волнахъ, стонуть и скрежещуть своими ледяными краями и трещинами, и словно грозятъ смерть. Нужно только терпѣніе и смѣлость, чтобы въ подобномъ случаѣ выбраться на большую льдину, втянуть лодку и укрыться отъ сильнаго вѣтра за крѣпкимъ высокимъ торосомъ льда.

А тамъ, Богъ дастъ, утихнетъ буря, льды снова будутъ повиноваться только одному теченію и вѣтру; море необширное, окружено чуть не со всѣхъ сторонъ берегами; все куда-нибудь вынесетъ ледъ и прижметъ къ берегу, чтобы можно было найти человѣка.

III.

Но нужно торопиться къ Шараповымъ Кошкамъ, они уже недалеко, и если бы надъ ними не этотъ густой туманъ, который въ тихое время вѣчно сопутствуетъ льдамъ Карскаго моря, то можно было бы ихъ видѣть. Но у самыхъ Шараповыхъ Кошекъ — маленькое затрудненіе: мы никакъ не можемъ приблизиться къ нимъ; льды затерли ихъ, загромодили ихъ низкіе берега громадными ледяными торосами; мы нескоро находимъ проходъ къ нимъ между льдами, но проникаемъ наконецъ въ ихъ маленькую бухту, чтобы остановиться.

— Вотъ и Шараповы Кошки, — говорятъ мнѣ мои проводники, и я выскакиваю на ледъ, выхожу на берегъ и вижу подъ ногами, — вижу, какъ при-

знакъ земли, бѣловатый песокъ, выкинутыя высохшія водоросли и массу раковинъ, которыя такъ и хрустятъ подъ ногами.

Впереди какъ будто земля, только занесенная еще глубокими снѣгами. Но дальше, дѣйствительно, уже островъ, съ темными проталинами земли, съ невысокими песчаными холмами, съ тѣмъ знакомымъ ландшафтомъ тундры, который такъ характеренъ для этой пустыни сѣвера.

Вытаскиваемъ на берегъ лодку, закрываемъ ее парусомъ, чтобы въ нее не проникли песцы—эти полярные воришки, поѣдающіе рѣшительно все, и отправляемся, захвативъ легкій завтракъ на случай долгой ходьбы, на Шараповы Кошки.

Это какія-то дюны песчаная, глинистая, размытая моремъ или уже смытый берегъ земли, съ невысокими холмами, съ жалкой травой, съ слѣдами звѣря и птицы, отпечатанными на гладкой глинистой почвѣ, съ многочисленными бухтами, заливами, которыми ихъ изрѣзало море. Оно и посейчасъ еще замыкаетъ его во время подъема воды или сильной бури. Кое-гдѣ видны слѣды человѣка и звѣря: кости выброшеннаго моремъ кита, бѣлая, пористая, громадная; замытое дерево, принесенное разливомъ рѣкъ изъ Сибири; доски разбитаго судна, съ незаржавѣвшими еще гвоздями; слѣды жилья человѣческаго—стоянки самоѣда—съ углями и обгорѣлою красною глиною, съ слѣдами копытъ оленя.

Странное впечатлѣніе производятъ они здѣсь, на этомъ необитаемомъ островкѣ, словно мы открываемъ слѣды первобытнаго человѣка. И удивительно кажется, что слѣды эти не уничтожены временемъ, не смыты волнами и вѣтромъ. Это

можно только объяснить тѣмъ, что въ продолженіе всего года все здѣсь закрыто снѣгами и льдами.

*
* *
*

На одномъ низменномъ, открытомъ къ морю, берегу мы неожиданно находимъ цѣлый скелеть кита; кое-какія кости и громадныя толстыя позвонки его уже растащены, кое-что поѣдено песцами и медвѣдями, но въ общемъ онъ прекрасно представляетъ это чудовищное животное, вѣроятно, выброшенное сюда моремъ. А въ пескѣ, которымъ замыло его, еще посейчасъ видны мясо, высохшая кожа и остатки его помѣстительнаго желудка.

Громадное животное протянулось по берегу какъ разбитое судно. Его ребра прекрасно сохранились, но бѣлыя пористыя кости уже обглоданы начисто бурями и вѣтрами и выщелочены водою; а въ одномъ мѣстѣ, среди костей, уже свито жилище полярной лисички. Вѣроятно, она цѣлые годы, если не десятилѣтія, жила тутъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ, питаясь громадною тушей, посланной ей на этотъ голодный островъ самимъ моремъ.

Самоѣды, какъ дѣти, въ восторгѣ отъ этой находки; они измѣряютъ длину животнаго по берегу, они говорятъ о его величинѣ, они наглядно представляютъ его себѣ въ родной стихіи; съ живостью рассказываютъ о своихъ встрѣчахъ съ этими животными въ открытомъ морѣ; они говорятъ о томъ, какъ находили такихъ же китовъ на берегу и даже жили около нихъ, чтобы охотиться на бѣлыхъ медвѣдей и лисицъ, которые стеклись къ

тушѣ за добычей и съ берега полуострова и съ самаго ледяного моря.

По ихъ словамъ, это—самая дорогая находка: песцы тысячами устремляются къ ней въ голодные, холодныя зимы, тутъ же устраиваясь на зимовку въ занесенной снѣгами тушѣ, дѣлая глубокія норы, скрываясь между костями; они тутъ же плодятся и живутъ до тѣхъ поръ, пока не сглодаютъ снаружи и изнутри все мясо. И тутъ же съ ними, этими маленькими хищниками, около туши поселяются и чайки, морскіе разбойники, и бѣлые медвѣди, навѣщающіе ее съ моря, не говоря о массѣ паразитовъ, которые устраиваютъ тутъ цѣлыя колоніи, сильно размножаются и затѣмъ погибаютъ, рассыпаясь въ прахъ вмѣстѣ съ костями.

Посидѣвъ на костяхъ животнаго и наговорившись о немъ, мы трогаемся далѣе и натыкаемся на вторую находку.

Это бортъ какого-то неизвѣстнаго, разбитаго моремъ судна. Подъ облѣзлую краскою виденъ еще посинѣвшій отъ времени и сырости дубъ; въ дубѣ этомъ замѣтны заржавѣвшіе гвозди; вонъ тамъ замѣтна еще желѣзная скоба, тутъ видны слѣды топора. Но все уже наполовину закрыто песчаною дюною, все полуразрушено сыростью, гніеніемъ.

Обломки эти какъ-то вдругъ переносятъ насъ въ другой міръ, совсѣмъ непохожій на окружающую обстановку,—въ міръ мореплавателей; мы представляемъ себѣ человѣка, быть-можетъ, погибшаго на этомъ суднѣ во время бури, быть-можетъ, хватавшагося за эти доски, когда ихъ носило по морю. Тутъ же лежитъ стеклянный шаръ, замытый мерзлою глиной. Мы съ трудомъ выкапываемъ его,

обмываемъ въ водѣ, разсматриваемъ съ любопытствомъ какія-то непонятныя буквы, нацарапанныя на немъ, быть-можетъ, погибавшимъ человѣкомъ, чтобы дать знать о себѣ другому человѣку. И тутъ же, у разбитого судна, масса раковинъ, разбитыхъ клювомъ птицы, которая ныряетъ въ море, когда открыта вода, находятъ ихъ на днѣ и выносятъ на поверхность, чтобы летѣть сюда съ своей добычею и съѣсть, сидя на доскахъ. ихъ живую вмѣстимость.

Мы долго бродили, помню, по этому берегу и всюду находили слѣды самой разнообразной жизни, слѣды, рисующіе жизнь птицъ, человѣка, звѣрей, слѣды, говорившіе безъ словъ, о картинахъ полярной природы. Эти слѣды останавливали наше вниманіе, возбуждали наше воображеніе, словно мы читали очень увлекательную книгу, отъ которой не могли оторваться. И мы смѣло шли впередъ и впередъ, бродили часами по берегу, всматриваясь въ эти остатки жизни, благо тутъ нѣтъ закатающагося солнышка, благо тутъ круглые 24 часа дневной свѣтъ въ это свѣтлое полярное лѣто.

* *
*

И вдругъ я замѣтилъ на одномъ изъ низкихъ холмовъ какъ будто жилье человѣка въ видѣ избы. Да, какъ будто что-то въ родѣ хижины маленькой, низенькой, въ видѣ сруба, какіе устраиваютъ промышленники по берегамъ нашихъ сѣверныхъ морей изъ наноснаго морского лѣса. Спрашиваю самоѣдовъ. Они самымъ равнодушнымъ образомъ объясняютъ, что это — дѣйствительно хижина,

У дикарей.

только старая, разрушенная уже, въ которой когда-то давно-давно зимовали наши поморы.

Бываютъ такіе сюрпризы въ полярныхъ путешествіяхъ, когда думаешь, ужъ Богъ вѣсть куда забрался, гдѣ и нога не бывала человѣческая, какъ вдругъ оказывается, тутъ уже былъ русскій человѣкъ и все это видѣлъ и знаетъ.

Направляюсь туда, заинтересованный открытіемъ, и, дѣйствительно, вижу слѣды русской зимовки: полуистлѣвшія, словно просоленные морскимъ воздухомъ толстыя бревна, неровно срубленные топоромъ углы съ слѣдами пакли, размокшіе кирпичи, слѣды какой-то первобытной каменки, разбитые черепки глиняной посуды. Не то жилище доисторическаго человѣка, не то, дѣйствительно, старое жилье-зимовка.

Между тѣмъ самоѣды уже начинаютъ разсказывать о ней исторію, изъ которой я догадываюсь, что это хижина тѣхъ самыхъ поморовъ—жителей Пустоозера, Колы на Мурманѣ и Холмогорѣ, которые лѣтъ триста тому назадъ плавали на полуостровъ Ялмалъ, пробираясь къ самоѣдскому городку Мангазея.

А самоѣды разсказываютъ о ихъ плаваніи, какъ будто это было только вчера, описывая ихъ уродливыя шняки, съ высокою кормою и носомъ, пестро-раскрашенными, съ рѣзными и позолоченными конями и лебедями, съ развѣвающимся длиннымъ тонкимъ вымпеломъ, съ крестомъ на верху мачты, съ прямымъ парусомъ, который самоѣды заимствовали у нихъ, съ многочисленными длинными веслами, которыми они пользовались въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ помочь имъ вѣтеръ. Самоѣды словно видѣли сами своими глазами эти

маленькія флотиліи съ бородатыми лохматыми матросами, называемыми „русь“; они словно пережили тотъ страхъ дикарей, на долю которыхъ выпадало счастье видѣть первобытныхъ нашихъ мореплавателей, которыхъ они и недолюбливали и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись, но которыхъ рѣшительно не могли отвадить отъ этихъ береговъ ни своими мѣткими стрѣлами, ни громкими криками съ береговъ, когда они заходили въ рѣку Мутную и становились тамъ на якорь.

Они рассказали мнѣ даже про столкновенія съ этими отважными моряками, когда они гурьбой нападали на нихъ во время плаванія вверхъ по рѣкѣ. Но нападенія эти были безуспѣшны, такъ какъ имъ приходилось пускаться на оленяхъ прочь отъ берега, какъ только раздавался первый оглушительный ружейный выстрѣлъ.

Объ этихъ столкновеніяхъ у нихъ до настоящаго времени сохранились рассказы и легенды; про этихъ бородатыхъ русскихъ людей въ мохнатыхъ папахъ у нихъ до настоящаго времени остались воспоминанія, какъ о пришельцахъ изъ какихъ-то сосѣднихъ странъ, какъ о представителяхъ сильныхъ племенъ, которые, приходили, однако, къ нимъ не воевать, а заводить торговлю. Самая торговля эта была какая-то странная, необыкновенная. Поморы выкладывали на берегъ товаръ и уплывали на лодкахъ обратно. Дикари приходили тогда на берегъ и клали мѣха свои рядомъ съ тѣмъ, что они облюбовали. И тяжелые желѣзные топоры и ножи оплачивались темными лисицами и голубыми песцами, а яркія матеріи домашняго производства цѣнились какъ золото, заставляя любую красавицу этихъ тундръ мечтать о необыкновенно-роскошномъ нарядѣ.

Я попробовалъ было искать слѣдовъ русской письменности на бревнахъ, но ихъ не оказалось, потому что дерево уже распадалось на слои отъ сырого и соленого морского воздуха. Я попробовалъ было сдѣлать раскопки, но въ хижинѣ ровно ничего не нашлось на земляномъ полу, кромѣ черепковъ и размокшихъ кирпичей, которые разваливались отъ одного прикосновенія моего ножа.

Только въ сторонѣ была могилка какая-то неизвѣстная, съ холмикомъ, гдѣ, быть-можетъ, лежитъ еще и теперь въ сохранности, въ этой вѣчно мерзлой землѣ, трупъ отважнаго помора.

* * *

Помню, мы съ часъ, по крайней мѣрѣ, сидѣли въ стѣнахъ этой полуразрушенной временемъ хижины, переживая старое, давнее время, и просидѣли бы, вѣроятно, еще долѣе, если бы тишину нашихъ воспоминаній не нарушили какіе-то неизвѣстные странные звуки.

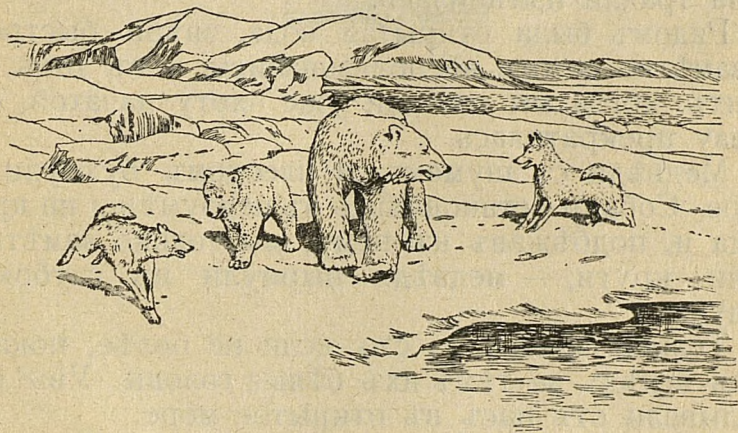
Въ первый моментъ мнѣ показалось, что это голосъ какой-нибудь птицы. Но наши собаки тревожно наставили уши, въ слѣдующій моментъ онѣ бросились уже къ самому берегу; еще моментъ, и онѣ запѣли обычную пѣсню:

„Авъ-авъ, авъ-авъ, ай-яй-яй-яй!“ Начался подъ берегомъ гонъ. Мы бросились туда съ ружьями наготовѣ и увидали слѣдующую картину.

На припаѣ льда сидѣлъ бѣлый медвѣдь съ медвѣжонкомъ; кругомъ нихъ подскакивали, такія же бѣлыя, наши собаки; медвѣди, кажется, не ожидали нападенія, бродя по этимъ льдамъ, но собаки

ихъ уже атаковали. Онѣ съ ловкостью хищнаго звѣря набрасывались на нихъ, когда медвѣди хотѣли двинуться и скрыться, собаки съ отчаянной отвагою хватили ихъ за пышныя бѣлыя гачи, и бѣдняги-медвѣди только повертывались, удивляясь ихъ смѣлости и не зная, что дѣлать.

Но взрослый медвѣдь начиналъ уже сердиться, въ свою очередь, шерсть его грозно поднялась на изогнутой спинѣ; и въ слѣдующій моментъ, когда

одна собака бросилась на него, онъ смялъ ее широкими лапами. Но въ тотъ же моментъ онъ долженъ былъ повернуться: другая собака висѣла уже на его спинѣ. Медвѣдь, не ожидавшій ничего подобнаго, съ силой стряхнулъ съ себя вторую, но въ то же время почувствовалъ зубы первой въ правомъ своемъ ухѣ.

Раздался оглушительный ревъ взбѣшеннаго звѣря, онъ всталъ красиво-грозно на дыбы, но собакъ уже не было около него, онѣ торопливо отбѣжали, выжидая удобную минуту.

А пѣстунъ, бѣдный пѣстунъ, только озирался во всѣ стороны—такъ поразило его это нападеніе собакъ, такъ все это было для него неожиданно и странно.

Ясное дѣло—предстояла рѣдкая охота; мы уже разсыпались было, окружая бѣлыхъ медвѣдей и выбирая себѣ лучшій прицѣлъ, когда вдругъ картина травли измѣнилась.

Рядомъ была открытая вода, звѣри быстро и незамѣтно этимъ воспользовались, и въ тотъ моментъ, когда мы считали уже охоту начатой, она сразу прекратилась.

Медвѣди съ шумомъ и плескомъ бухнули въ море. Собаки остановились въ недоумѣніи на краю льда и, подбѣжавъ къ нему, мы только замѣтили одни круги, — медвѣди нырнули въ глубокую воду.

Только сажень за сто, если не болѣе, показались вслѣдъ за тѣмъ ихъ бѣлыя головы. Увы! они уплывали отъ насъ въ открытое море.

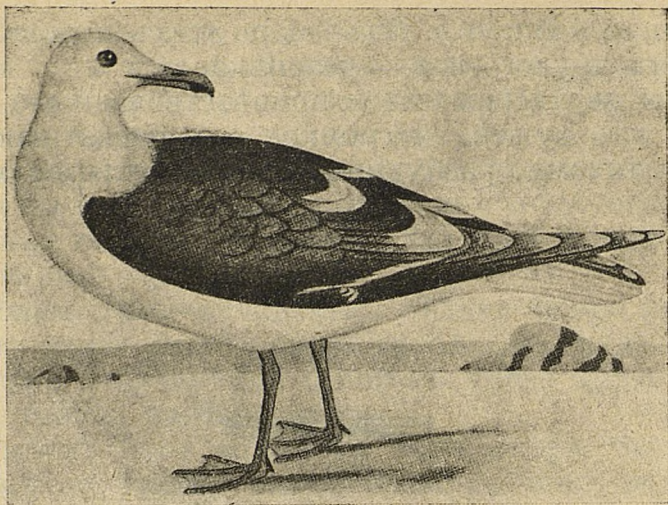
Только тамъ, чувствуя себя въ безопасности, крупный медвѣдь рѣшилъ выбраться на ледъ и посмотрѣть, кто его такъ потревожилъ, и мы съ минуту видѣли рѣдкую картину. Медвѣдь спокойно поднялся на торосъ пловучаго бѣлаго льда, взошелъ на самую вершину остроконечной глыбы и тамъ всталъ на дыбы, какъ бы высматривая насъ и удивляясь тому, откуда взялись тутъ люди.

Какъ онъ хорошъ былъ въ бинокль, сколько непринужденности, гордости было въ его стоящей

на дыбахъ фигурѣ. Онъ—царь этихъ льдовъ. Онъ видѣлъ другого царя—человѣка.

Мы не удержались и привѣтствовали его салютомъ изъ ружей, и громкое эхо раскатилось по морю тихому, разбудивъ спящую полярную природу.

К л у ш а.

Около самой нашей зимовки на Новой Землѣ поселилась клуша.

Разумѣется, первымъ замѣтилъ ея появленіе нашъ поваренокъ Мишка, отличающійся такою наблюдательностью, что ему позавидовалъ бы всякій натуралистъ.

— Баринъ, — вбѣгаетъ онъ поспѣшно въ мою комнату: — клуша прилетѣла!.. Ей-Богу, клуша прилетѣла, самъ своими глазами видѣлъ ее сейчасъ надъ самымъ нашимъ домикомъ.

Стоялъ еще мартъ на дворѣ, на нашемъ островѣ было еще страшно холодно; кромѣ солнца, яркаго, сіяющаго, но холоднаго, ничто еще не напоминало о приближеніи весны, и радостная вѣсть словно всколыхнула всю нашу зимовку, и мы всѣ сразу

выбѣжали на крыльцо, обрадованные неожиданною вѣстью, чтобы увидѣть этого перваго вѣстника весны...

Дѣйствительно, недалеко отъ нашего полярнаго домика, на отвѣсной скалѣ, уже отдѣлившейся отъ нашего острова, чтобы упасть въ море, сидѣла клуша.

Громадная бѣлая чайка, размѣромъ съ нашу домашнюю курицу, какъ только увидала людей и замѣтила движеніе около нашего домика, тотчасъ же снялась со скалы съ громкимъ, пронзительнымъ въ тишинѣ неподвижнаго, словно весеннаго, воздуха, крикомъ. „Ку-лы, ку-лы-ы, кло-кло“, донеслось ея зычное, громкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы радостное клокотаніе, и она, плавно скользя въ самой вершины скалы, понеслась навстрѣчу намъ, размахивая широкими крыльями, и взмыла надъ нашей зимовкой.

— Клуша, клуша прилетѣла, — заговорили весело матросы-зимовщики. — Слава Богу, недалеко весна, — отвѣтили другіе, и этотъ крикъ крупной бѣлой птицы, теперь ныряющей надъ нами въ воздухъ, такъ обрадовалъ насъ, какъ-будто мы увидали кого родного.

А громадная клуша, отливая на солнцѣ своими голубоватыми крыльями, носилась и носилась надъ самой нашей колоніей съ криками, какъ-будто въ свою очередь удивляясь тому, откуда взялись люди въ ея отсутствіе на этомъ пустынномъ берегу, на этомъ островѣ, рядомъ съ ея гнѣздовищемъ...

Теперь мы вполне разсмотрѣли ее. Это, дѣйствительно, была настоящая клуша, самая крупная изъ породы чаекъ на этомъ островѣ, самая смѣлая и сильная изъ нихъ, которую за что-то

иностранцы называютъ бургомистромъ. Мы съ удовольствіемъ разсматривали ее, когда она бросалась на нашихъ собакъ съ высоты своего полета и, чуть не касаясь земли, ныряла въ свѣтломъ, сегодня сіяющемъ воздухѣ, и слушали ея крикъ, словно пробудившій нашъ островъ къ веснѣ, теплу и счастью. Потомъ возвратились въ нашу зимовку какъ-будто другими.

А поваренокъ Мишка уже мечталъ:

— Вотъ ужъ, ребята, она тутъ загниѣдится, я достану вамъ ея яйца, какая селянка выйдетъ съ треской, если полить ее масломъ!.. Бывало, мы на Мурманѣ цѣлую весну кормились яйцами, какъ только прилетятъ клуши.

— Посмѣй только ты у меня,—оборвалъ я его мечтанія: — прошу не трогать ея яицъ, можешь, гдѣ угодно, брать ихъ себѣ, только не рядомъ съ зимовкой...

Мишка, казалось, понялъ мои намѣренія, и мнѣ болѣе не пришлось объ этомъ ему говорить, хотя и самому хотѣлось страшно такой селянки.

А клуша, наша вѣстница весны, полетала, полетала около нашего домика и, словно рѣшивъ, что мы не тронемъ ея, спокойно усѣлась на своей скалѣ, любуясь знакомой родной картиной.

Заливъ еще спалъ подъ толстыми неподвижными льдами; въ горахъ еще не было даже проталинки, и изъ ущелья горъ наносило такимъ холодомъ, что, казалось, до весны еще очень было далеко. Но присутствіе клуши насъ радовало и, когда я прогуливался утрами по нашему берегу, она спокойно сидѣла на своей скалѣ, какъ-будто говоря, что будетъ весна; когда я подходилъ къ самой ея неприступной скалѣ, у обрыва нашего

скалистаго берега, она спокойно разглядывала меня своими умными сѣрыми глазами, и только тревожилась при видѣ собаки моей, кажется, предполагая въ ней врага своему гнѣздовищу.

Скоро клуша такъ привыкла къ моему регулярному появленію на берегу, что мнѣ казалось, что она даже ожидала моего появленія, привѣтствовала его своимъ крикомъ, даже не слетая теперь при приближеніи моемъ со скалы, даже не волнуясь болѣе видомъ моей собаки.

И чѣмъ больше я узнавалъ ее, наблюдалъ,—тѣмъ она мнѣ все болѣе и болѣе нравилась, и чѣмъ болѣе я съ нею знакомился, разговаривая даже порой, тѣмъ она становилась смѣлѣе.

Въ одно ясное утро на скалѣ появились двѣ клуши. Понятное дѣло, это была пара, которая рѣшила тутъ гнѣздиться. Онѣ облюбовали эту скалу, и уже не боялись присутствія человѣка.

Скоро между клушами начались, видимо, самые веселые разговоры: „кло-кло-кло“ звонко раздавалось въ воздухѣ клоктаніе первой птицы; ему немного нѣжнѣе откликалось: „ку-лы, ку-лы-ы-ку-лы“ и, порой, ихъ можно было видѣть то весело парящими въ воздухѣ, то мирно сидящими рядкомъ на скалѣ.

Но скоро холодъ апрѣля мѣсяца сталъ уступать надвигающейся веснѣ; на южномъ горизонтѣ моря встало какое-то темное марево, вѣстникъ тепла; неожиданный вѣтеръ сломалъ наши льды и унесъ ихъ въ бушующее море, заливъ открылся, у нашего берега снова заиграла волна, и сіяющее солнышко, оставаясь день за днемъ все болѣе и болѣе на горизонтѣ, такъ грѣло скалы, что появилась первая зелень. И съ этимъ надвинувшимся

тепломъ, съ бѣгущими шумно рѣчками, словно ожилъ самый островъ: загудѣли пингвины на берегу, заносились въ воздухѣ пѣночки, зазвенѣлъ мелодичный голосъ бѣлаго лебедя, закричалъ сѣрый гусь, и наши клуши занялись гнѣздованіемъ.

Онѣ всѣ дни таскали откуда-то сухія грубыя водоросли, устилая ямку въ отвѣсной скалѣ, носили туда разный хламъ, намытый моремъ съ берега, и скоро на скалѣ появилось ихъ гнѣздышко въ видѣ большой и темной корзины.

Теперь онѣ почти не улетали отъ своего гнѣздовища, видимо, зорко присматривая за нимъ, быть-можетъ, опасаясь еще близости нашего дома, еще не вѣря людямъ. И я часто, прогуливаясь по самому берегу, подходя къ ихъ отвѣсной, падающей въ море скалѣ, могъ видѣть, какъ одна изъ нихъ спокойно сидѣла уже на гнѣздѣ, а другая или плавала подъ самою скалою, покачиваясь на волнахъ, или стояла на одной лапѣ на самомъ бѣломъ выступѣ скалы, какъ бы въ видѣ сторожа своего гнѣздовища. Но по всему видно было, что они уже не опасались меня и моего вѣчнаго спутника—пса и только посматривали на насъ съ высокой скалы, когда мы гуляли.

Полагая, что есть уже яйца, я какъ-то послалъ Мишку посмотреть гнѣздо, такъ какъ онѣ были несравненный мастеръ взбираться на высокія скалы.

Клушъ, по счастію, не было около, онѣ улетѣли куда-то за добычей, и Мишка живо взобрался на скалу и крикнулъ оттуда:

— Есть!

— Сколько?—кричу ему.

— Парочка.

-- Покажи!

Онъ поднимаетъ одно, и я вижу крупное, размѣромъ почти съ гусиное, оливковое круглое яйцо съ темными коричневыми пятнышками.

— Довольно!—кричу ему,—спускайся скорѣе, чтобы тебя не замѣтили.

И Мишка, какъ бѣлка, летитъ со скалы, и рапортуетъ объ устройствѣ гнѣзда, видимо, очень заинтересованный этой новой должностью натуралиста.

— Гнѣздо не ахти какое теплое, — однѣ водоросли какія-то, яйца прямо чуть не на самой голой скалѣ; но около гнѣзда столько хламу разного, — скорлупъ другихъ яицъ, костей разныхъ птицъ, даже головы рыбъ, раковины, такъ что можно подумать, что клуши здѣсь гнѣздятся ужъ цѣлые годы.

Пока мы разговаривали у скалы, прилетѣла одна клуша. Но, повидимому, она не замѣтила лазанья нашего и, что-то курлыкнувъ вполголоса, спокойно устроилась въ гнѣздѣ, даже не обращая вниманія на человѣка.

Я сталъ присматриваться, чѣмъ питается эта большая птица; но оказалось, что она далеко не питается одною рыбою, которую ловить у самой скалы, порою стремглавъ бросаясь на нее оттуда, замѣтя ея появленіе у поверхности воды съ своего высокаго удобнаго поста, — а отправляется также или въ сторону птичьяго острова, или же летаетъ надъ заливомъ, кружась, высматривая себѣ тамъ живую добычу.

* * *

Однажды я засталъ этихъ клушъ въ самомъ разгарѣ ихъ охоты.

Слышу ихъ особенный какой-то крикъ, вижу — кружатся на одномъ мѣстѣ почти въ воздухѣ, подбѣгаю къ обрывистому берегу и вижу слѣдующую сцену.

Надъ совершенно тихимъ заливомъ кружатся клуши, изъ прозрачной воды, нѣтъ-нѣтъ, кто-то появится на секунду на поверхности и тотчасъ же нырнетъ; тогда клуши съ крикомъ, одна за другой, падаютъ на воду, чтобы схватить это ныряющее существо, которое они, видимо, прекрасно видятъ въ глубинѣ прозрачной воды. Мое неожиданное появленіе и громкій окрикъ немного задержали птицъ, и недалеко отъ скалы я увидалъ вынырнувшего нырка, прилетную утку, которая даже раскрыла ротъ, такъ загоняли ее эти разбойницы. Но только что несчастный нырокъ успѣлъ передохнуть, какъ снова началась на него охота. Видимо, птицы прекрасно видѣли, что ему рѣшительно не было спасенія, и продлись еще немного времени эта травля клушъ, онъ неизбежно былъ бы въ ихъ когтяхъ и сталъ бы ихъ добычей.

Мнѣ такъ стало жаль несчастнаго нырка, что я выстрѣлилъ, чтобы прекратить эту ужасную травлю. Клуши отлетѣли въ сторону, и нырокъ съ раскрытымъ клювомъ пробрался наконецъ къ своей рѣчкѣ и скрылся тамъ въ расщелинахъ скалы, чтобы окончательно укрыться отъ своихъ ужасныхъ преслѣдователей. Клуши, обиженные, улетѣли на птичій островъ.

На птичемъ островѣ, гдѣ гнѣздятся пингвины, клуши тоже вели себя самымъ разбойничьимъ образомъ.

Онѣ просто пользовались тамъ всякимъ удобнымъ случаемъ: какъ только слеталъ какой-ни-

будь пингвинъ на воду, онѣ уже тутъ, у самаго его гнѣзда, и его яичко уже въ ихъ лапахъ. Разумѣется, —отчаянный крикъ обиженныхъ пингвиновъ, самое жалобное пищаніе чистиковъ; но клуши были неумолимы. Онѣ буквально грабили этихъ птицъ, являясь сюда, какъ въ курятникъ, и безнаказанно опустошая ихъ гнѣздовища.

Эти разбойничьи наклонности клушъ, за которыя, вѣроятно, и звали ихъ моряки бургомистрами, были крайне мнѣ непріятны, и я, было, уже разочаровался въ своихъ сосѣдяхъ, поселившихся около самаго моего домика.

Но скоро у нихъ появилась премиленькая любопытная семейка.

Однажды Мишка приносить мнѣ радостную вѣсть:

— У клуши выпарились птенчики.

— Что ты!—говорю.

— Хоть сами посмотрите, —трое птенцовъ.

Мнѣ крайне было любопытно взглянуть на это сосѣднее семейство, и мы отправились съ Мишкой на скалу, хотя это и не особенно было пріятно клушамъ.

Боже мой, какой крикъ поднялся у клушъ, когда мы приблизились къ скалѣ и обнаружили свои намѣренія! Пока мы лѣзли на скалу, онѣ созвали всѣхъ сосѣднихъ родственниковъ имъ клушъ, крича о томъ, что происходитъ на нашемъ берегу. Были моменты, когда клуши налетали на насъ и грозили клювами; но мы благополучно добрались, однако, до гнѣзда, и я залюбовался картиной.

Въ расщелинѣ скалы, въ ямкѣ было громадное гнѣздовище, и посрединѣ его сидѣли, прижавшись

другъ къ другу, напуганные птенцы, какъ комочки ваты, желтоватенькіе, съ черными пробивающимися перышками среди общаго нѣжнаго пуха.

Повидимому, они очень были недовольны нашимъ любопытствомъ и шипѣли даже на насъ своими розовыми толстыми клювами; но мы ихъ не тронули, а, пожелавъ имъ всяческаго благополучія и удовлетворивъ свое любопытство, спустились внизъ. А Мишка, добрый до всего живого и слабаго, явился къ нимъ даже съ гостинцами, и хотя они отворачивались отъ его блиновъ, нашего любимаго кушанья, онъ, однако, оставилъ блины свои около нихъ, говоря, что они не откажутся отъ нихъ, когда мы удалимся.

Клуши, кажется, были обезкуражены этими гостинцами и, помню, долго не рѣшались сѣсть на гнѣздо, пугаясь совершенно неизвѣстнаго имъ предмета.

* * *

Скоро намъ съ Мишкой пришлось окончательно подружиться съ этими странными птицами.

Случилось такъ, что неожиданно выпалъ глубокій снѣгъ. Это бываетъ въ такихъ полярныхъ широтахъ и лѣтомъ, ставя птицъ и звѣрей въ безвыходное положеніе, такъ какъ тогда имъ рѣшительно нѣтъ возможности достать себѣ пищи. Вставши рано утромъ въ этотъ день, я былъ пораженъ совершенно зимней картиной: весны какъ не бывало, горы и долина были въ снѣгу, небо заволокло темными, ненастными облаками, изъ которыхъ продолжалъ валить снѣгъ громадными,

мягкими хлопьями, и, казалось, зима возвратилась на островъ окончательно.

Первое, на что я обратилъ вниманіе, это на гнѣздовище клушъ. Бѣдныхъ клушъ какъ-будто даже не было, и на мѣстѣ скалы, гдѣ было гнѣздо, спокойно бѣлѣла цѣлая горка снѣга и было безжизненно и глухо.

Я командировалъ Мишку посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и Мишка принесъ мнѣ самыя неутѣшительныя вѣсти.

— Гнѣздо, вмѣстѣ съ клушей, завалило снѣгомъ. Клуша тамъ, на гнѣздѣ, надъ своими дѣтенышами, защищаетъ ихъ отъ холода. Самца нѣтъ,—вѣроятно, улетѣлъ въ море куда за добычей. Если еще день продолжится такая погода,—птены и клуша, пожалуй, погибнуть.

Мы собрали совѣтъ относительно спасанія погибающихъ птицъ, но всѣ проекты были неосуществимы.

Пришлось остановиться на одномъ,—освободить, насколько возможно, гнѣздо отъ снѣга и оставить клушамъ нашу обыкновенную пищу, въ надеждѣ, что голодъ заставитъ клушъ приняться за наши кушанья.

Мишка старательно собралъ цѣлую окрошку. Тутъ было и тюленье сало и вчерашній жареный хлѣбъ, тутъ были лепешки и шанежки, туда же Мишка положилъ и грешневой каши, благо она давно уже всѣмъ надоѣла...

Было порядочно возни съ очисткой гнѣзда отъ снѣга; но клуша не тронулась, прикинувшись мертвою, и даже не защищалась.

Каково же было наше удивленіе, когда наши

сосѣди на другой день сами явились къ нашему домику, словно прося у насъ пищи.

Пришлось отдать имъ рѣшительно все, прямо выбросивъ съѣдобное на снѣгъ, и клуши съ такимъ прожорствомъ занялись его уничтоженіемъ, что мы только дивились ихъ смѣлости и жадности, смотря тихонько изъ оконъ.

Мишка прямо торжествовалъ. Онъ говорилъ:

— Посмотрите, что я устрою изъ нашихъ сосѣдокъ: онѣ прямо будутъ являться въ наши комнаты, только пусть еще продлится такая погода.

Въ комнаты клуши не явились; но ихъ мы постоянно видѣли у самого нашего крыльца, и было крайне любопытно на нихъ поглядывать изъ окошечка, когда онѣ, какъ домашніе гуси, разгуливали на крыльцѣ и клевали пищу толстыми своими носами. Дошло до того, что Мишка бросалъ имъ пищу уже руками, и онѣ схватывали ее на воздухъ и уносили ее спокойно дѣтенышамъ.

Мы думали уже совсѣмъ приручить этихъ птицъ, но снова стало тепло на островѣ, и наши надежды не увѣнчались успѣхомъ. Птицы поневолѣ только пользовались нашими объѣдками, и, какъ только утихло море, онѣ снова занялись ловлею рыбъ и разбоемъ на птичьемъ островѣ. Но все же мы съ ними были знакомы: когда я прогуливался подъ ихъ скалой, онѣ не смотрѣли на насъ, какъ на враговъ, а тихонько привѣтствовали меня курлыканьемъ, а когда встрѣчались гдѣ-нибудь далеко за колоніей, тоже привѣтствовали насъ своимъ знакомымъ крикомъ: „ку-лы, ку-лы-ы, кло-кло-кло“... какъ бы говоря намъ: „будьте здоровы, сосѣди!“

Какъ это всегда бываетъ — послѣ бури насту-

пило теплое, тихое, чудное время; въ комнатахъ было душно, уже и мы отворяли ненадолго окна, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ, какъ вдругъ, однажды, только что раскрывъ въ кабинетѣ окно, я былъ удивленъ появленіемъ неожиданной гостьи. На окно сѣла ко мнѣ громадная смѣлая клуша и съ такимъ любопытствомъ заглядывала въ комнату, точно въ свою очередь желала узнать, какъ поживаютъ люди.

— Клуша!—привѣтствовалъ я ее невольно восклицаніемъ.—Мишка, клуша прилетѣла на окно,—крикнулъ я ему въ сосѣднее кухонное помѣщеніе, и мы оба черезъ минуту смотрѣли на неожиданную гостью, любуясь полной непринужденностью, съ какой она заводила съ нами болѣе близкое знакомство, какъ съ хорошими и добрыми сосѣдями.

Мишка предложилъ ей первое угощеніе, что только попало въ руки, и клуша, словно того и дожидалась,—схватила порядочный кусокъ хлѣба и унесла его на гнѣздо своимъ подрастающимъ, прожорливымъ дѣтямъ.

Съ тѣхъ поръ нельзя было вовсе открывать окна: она аккуратно появлялась на нашемъ подоконникѣ и такъ привыкла къ нему, что, казалось, совсѣмъ рѣшила получать отъ насъ вѣчное пособіе, чтобы прокормить свое прожорливое семейство.

Мы было уже мечтали съ Мишкой, что и дѣти ея послѣдуютъ примѣру матери; но случилось то, чего мы не знали.

Въ одинъ прекрасный день, раннимъ утромъ, птенцовъ не оказалось въ гнѣздовищѣ, и Мишка клялся, что ихъ унесли ихъ родители въ своихъ клювахъ, еще въ пуху, на просторъ Ледовитаго

океана, чтобы заставить ихъ питаться тамъ уже самостоятельнымъ образомъ.

Дѣйствительно, въ одну недѣлю клушъ не стало видно, и онѣ только порою, словно влекомыя воспоминаніемъ, прилетали къ намъ, сидѣли на родной скалѣ и снова улетали въ открытое, теперь бурное море.

Незамѣтно, быстро прокатилось короткое полярное лѣто, наступила осень скучная, какъ-то неожиданно выпалъ глубокій снѣгъ, и весны, и тепла, и клушъ какъ не бывало. Ихъ не видно было даже въ бушующемъ морѣ, онѣ снялись отъ насъ и улетѣли куда-нибудь въ Шотландію, гдѣ всю зиму стоитъ открытое море.

Зимою въ стужу, въ полярную скучную ночь, тогда ничто не напоминало даже клушъ, мы часто вспоминали своихъ сосѣдокъ. Увы, окно обледевѣло еще съ осени, скала давно покрылась снѣгомъ, и даже не было любопытнаго Мишки, который ихъ кормилъ и считалъ чуть не родными.

Въ тотъ годъ выпала тяжелая зимовка, зима была ужасно суровая, льды еще съ осени затерли нашъ заливъ, и мы едва дождались, когда показалось снова солнышко, когда оно снова засіяло надъ снѣжной равниной.

Былъ мартъ; но клуши что-то долго не прилетали; показались признаки весны, но ихъ почему-то не было. Но вотъ въ самое Благовѣщеніе, идя задумчиво по морю открытымъ льдомъ, я неожиданно остановился: какъ будто до слуха моего донеслись знакомые, дорогіе звуки.

Гляжу,—клуша высоко, высоко въ воздухѣ и, словно замѣтивъ меня на льду, измѣнила даже свое направленіе къ нашей зимовкѣ, а закружи-

лась надо мною, посылая мнѣ знакомыя привѣтствія: „ку-лы, ку-лы, кло-кло“.

Но въ этомъ крикѣ не было уже тревоги, какъ въ прошлую весну: она привѣтствовала меня другимъ уже голосомъ, въ которомъ были довольныя, счастливыя нотки.

— Клуша! — кричу я въ отвѣтъ. Она узнала меня и что-то еще прокурлыкала и, словно довольная, полетѣла дальше къ колоніи и усѣлась на родную скалу.

При видѣ сосѣдки по колоніи, у меня невольно даже слезы выступили на глазахъ, и какъ-то горько сдѣлалось отъ этой тяжелой и скучной зимовки.

Нечего и говорить, что клуша въ тотъ же день, какъ наша хорошая знакомая сосѣдка, явилась къ нашему крыльцу за пищей, и мы были такъ рады нашей гостьѣ, прилетѣвшей къ намъ по воздуху съ родной стороны, что скормили ей рѣшительно все съѣдобное, что только попало подъ руку.

Съ этого времени она рѣдкій день не являлась къ намъ; когда было закрыто море, часто сидѣла подолгу на крышѣ нашего домика, и такъ привыкла къ намъ, что съ громкимъ крикомъ привѣтствовала нашего кока, по поводу чего матросы смѣялись:

— Эй, кокъ, отворяй харчевку свою, къ тебѣ явилась квартирантка.— И кокъ спѣшилъ съ чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ къ прожорливой клушѣ, которая поѣдала рѣшительно все, нисколько не церемонясь.

Мы снова приручили вольную птицу и возвратили ее къ человѣку.

Этихъ клушъ я потомъ видѣлъ множество въ Соловецкомъ монастырѣ, въ Бѣломъ морѣ, на островѣ монаховъ, гдѣ онѣ были почти совершенно въ такомъ же ручномъ состояннѣ, какъ наша со-сѣдка на Новой Землѣ.

Онѣ прилетали туда ранней весной, около Благовѣщенія, и монахи такъ привыкли къ весеннему ихъ появленію, что, кажется, радовались имъ точно такъ же, какъ мы на Новой Землѣ.

Только онѣ являлись туда въ несмѣтномъ количествѣ и тотчасъ же устраивали драку съ черными воронами, которые тамъ обычно проводятъ зиму. Прогнавъ вороновъ, онѣ живо тамъ устраивались по домашнему и занимали своими гнѣздами все рѣшительно, что только было возможно, въ самой оградѣ монастыря или около, чтобы быть спокойными относительно своихъ гнѣздовищъ.

Нельзя сказать, чтобы это было особенно пріятно монахамъ; но птица эта такъ настойчиво селилась подъ ихъ покровительствомъ, такъ давно привыкла къ свободѣ, что они ея не гнали и терпѣливо выносили ея пронзительные крики, терпѣливо выносили самое ближайшее ея сосѣдство.

Клуши клали свои пестрые яйца рѣшительно всюду: около дорожекъ, у самыхъ дверей, на площади, въ оградѣ монастыря, у самыхъ оконъ монашескихъ келій, если было возможно — даже на самыхъ окнахъ и карнизахъ... И Боже сохрани потревожить такую настойчивую особу: она крикомъ выживетъ изъ келейки, она клювомъ своимъ будетъ преслѣдовать васъ, если вы тронете ее ногою... А когда выпарятся юные птенцы, когда они подрастутъ немного и оперятся, — это самые назойливыя существа на островѣ монаховъ. Они

зично кричать и просятъ у каждаго прохожаго пищи, они самымъ неделикатнымъ образомъ его останавливаютъ жалобными криками, хлопаніемъ крыльевъ; они даже тянутся за вами, ухватившись за ваши брюки, требуя пропитанія, какъ будто навсегда покинутые матерью и отцомъ, улетѣвшими неизвѣстно куда въ море. И всѣ кормятъ ихъ хлѣбомъ и рыбками, всѣ стараются утолить ихъ страшный аппетитъ, всѣ подаютъ эту необыкновенную милостыню этимъ пернатымъ нищимъ... А если вы откроете окно вашей комнаты въ гостиницѣ, — назойливыя клуши обязательно тотчасъ же явятся къ вамъ на окно и, если вы новичокъ и не знаете, какъ отъ нихъ отдѣлаться, онѣ одолѣютъ васъ и похитятъ у васъ передъ самымъ вашимъ носомъ все съѣдобное, у самага вашего самовара. А если вы нечаянно тронете хотя одного ихъ надоѣдливаго птенца, то нужно пускаться въ бѣгство отъ нихъ, налетающихъ на васъ цѣлою оравой, кричащихъ, угрожающихъ вамъ своимъ клювомъ.

Монахи этого монастыря разсказываютъ, что клуши даже спасли однажды монастырь отъ нашествія непріятельскаго англійскаго флота. Онѣ буквально всѣ, тучей, собрались надъ англійскими кораблями, какъ только тѣ приблизились къ этому острову въ 1854 году и открыли по нему тяжелую бомбардировку, и такъ напали на непріятеля, не ожидавшаго ничего подобнаго, такъ закидали его своимъ пометомъ, что онъ долженъ былъ прекратить бомбардировку и уйти отъ острова, такъ и не поживившись сокровищами монастыря, на которыхъ онъ сильно разсчитывалъ.

Интересно то, что эти клуши, покидая островъ,

передаютъ его словно на сохраненіе чернымъ воронамъ, которые слетаются туда въ такомъ же количествѣ, какъ и клуши.

Видимо, и черный воронъ зимой чувствуетъ себя хозяиномъ на островѣ, какъ въ лѣтнее время эта чайка.

Вспоминая милыхъ клушъ, вспоминая свою зимовку полярную, я часто думаю о томъ, какая была бы счастливая жизнь, если бы ни птица, ни звѣрь не видѣли врага въ человѣкѣ.

Я увѣренъ, что это можетъ быть такъ, когда человѣкъ полюбитъ природу.

К е р и ж к о.

Р а з с к а з ь.

I.

Это было въ Киргизской степи.

Наша маленькая научная экспедиція — я, два моихъ молодыхъ спутника студента и сопровождающій насъ проводникъ-киргизъ, тихонько подвигались по степной, черной, конной тропинкѣ, верхомъ на киргизскихъ лошадяхъ, которыя то ровняли насъ между собой, гдѣ тропинка шла по гладкой степи, то вытягивали нашъ караванъ „веревочкой“, когда тропа извивалась между холмиками, то замѣтно прибавляли шагу, когда передъ нами открывалась широко степь, подергивая поводка и словно прося позволенія пуститься въ нее во весь духъ, чтобы сократить это страшно-громадное пространство.

И мы невольно какъ-то опускали легкіе ременные поводки, лошади брали ходъ, которая-ни-

будь изъ нихъ, болѣе горячая, не сдерживала себя и пускалась вмахъ, и мы скакали, скакали, перегоняя другъ друга и весело гарцуя на лошади, пока снова намъ не преграждала дорогу какая-нибудь неровность.

Я не могъ налюбоваться своимъ чистокровнымъ киргизомъ Саврасикомъ, который плавно покачивалъ меня на своей гладкой и мягкой спинѣ, обладая замѣчательной иноходью, — небольшого роста такой, складный такой, какъ будто выточенный, съ такими темными лоснящимися, какъ у статуэткы, ножками, съ такой пышною гривой и богатымъ хвостомъ, который словно плылъ за нимъ, немного развѣваясь въ воздухъ.

Это была славная, смиренная, ручная лошадь, которая словно была довольна этою прогулкою, и только похрапывала дорогою, гордо неся свою сухую, словно выѣпленную художникомъ, красивую головку. И любуясь ей, наблюдая ее во время хода, слѣдя за ушами ея, вѣчно прядущими, слыша ея звонкое ржаніе, я не разъ трепалъ ее по шеѣ, не смѣя ее пришпорить.

Есть такія лошади въ нашей киргизской степи, которыя чаруютъ васъ съ перваго взгляда, удивляютъ васъ замѣчательной своей смышленостью, поражаютъ своей послушностью, которыя, чувствуя васъ на себѣ, словно только ждутъ малѣйшаго движенія вашего поводка, наклоненія даже вашего туловища, чтобы тотчасъ же слѣдовать вашему приказу. И при этомъ всегда готовы пуститься вмахъ, и сразу перейти на плавную иноходь, какъ только вы устали.

На такихъ лошадяхъ верховая ѣзда только одно удовольствіе, и этотъ памятный день такъ и остался

у меня въ памяти, какъ одно удовольствіе съ ранняго утра, когда я сѣлъ на эту случайно предложенную мнѣ киргизскую лошадь.

Мы тронулись въ путь, когда только еще всходило южное солнце. Былъ іюнь мѣсяцъ, и вся степь словно только-что расцвѣла для насъ и покрылась ярко-зеленою, мягкою, шелковистою травкою и, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, какъ поднималось солнце надъ громаднымъ просторомъ ея, я любовался ею, видя ее въ самомъ разнообразномъ освѣщеніи.

Вонъ она вся, словно покрытая утренней дымкою, которая начинаетъ уже кой-гдѣ отдѣляться отъ нея и подниматься къ бирюзовому небу; вонъ она словно взбрызнута вся, начиная отъ первой травки и кончая сѣдыми холмиками, тающею росю; вотъ она вспыхнула вся розоватымъ, мягкимъ нѣжнымъ оттѣнкомъ, когда вдоль нея брызнули первые лучи солнышка и разъ навсегда, казалось, захватили ее теплыми, нѣжными лучами; вонъ она засіяла вся подъ ними и заискрилась и ярко выступила своей зеленью и яркими цвѣтами, и только впадины ея, озера и болота — остались еще съ дымкою, которая быстро таетъ въ воздухѣ, чтобы заиграли веселыя блестящія зеркала воды...

Каждый часъ—новое зрѣлище. Каждый часъ—новая картина этой степной природы — тихой въ своей первобытности, скромной, но величавой на видъ, которую какъ-то не хочется нарушать даже нашимъ караваномъ.

И мы молча ѣдемъ и любимъ ею въ это степное, ясное, тихое утро и молча двигаемся далѣе и далѣе, разсѣкая тѣ степныя равнины.

Степь! Степь! Сколько прелестей въ тебѣ въ такое лѣтнее утро, сколько свѣжаго воздуха, который словно здоровьемъ вливается въ грудь, сколько тепла и свѣта — яркаго, которымъ пронизываетъ тѣло человѣческое, какъ будто нѣжа его, вливая въ него что-то такое жизненное, бодрящее, здоровое, вызывая его къ дѣятельности и жизни!..

Недаромъ, больные грудью стремятся тутъ къ природѣ. Недаромъ слабые, малокровные, потерявшіе, теряющіе жизненность въ себѣ, идутъ въ эту степь, чтобы взять себѣ ея здоровый, чистый воздухъ!

Порою мы дѣлали нашимъ маленькимъ караваномъ приваль, когда уставали качаться въ сѣдлахъ.

Въ большинствѣ случаевъ, это была — маленькая, словно послѣднее воспоминаніе нашихъ лѣсовъ, березовая, свѣтленькая, съ бѣлыми стволами роща. Какой прохладой вѣяло отъ этой листвы. Сколько аромата цвѣтовъ было на этой опушкѣ лѣса, защищенной отъ солнышка. Какъ хорошо было спуститься съ лошади и пасть и растянуться на этой теплой, шелковистой травѣ подъ яркосинимъ безоблачнымъ небомъ.

Тогда лошади свободно пускались съ закинутыми поводьями за сѣдла на просторъ степи, а мы часами лежали и дремали подъ тѣнью мелкой поросли опушки. Не думая ни о чемъ, а только наслаждаясь этимъ легкимъ воздухомъ, которымъ легко такъ дышать, только чувствуя, какъ разливается въ тѣлѣ нѣга отъ этого сухого, нагрѣтаго солнцемъ, чуднаго воздуха.

Не хотѣлось, бывало, разставаться съ этой, при-

ютившей насъ на время, березовою рощею; но дорога была еще впереди, и мы снова садились на своихъ лошадей и пускались въ дорогу.

* * *

Мы ѣхали къ озеру Тайчи. Это озеро было знаменито въ этой киргизской степи; но эта извѣстность его была не отъ минеральныхъ какихъ его водъ, ни отъ славнаго степного кумыса, какимъ могутъ похвастаться киргизскія сибирскія степи, а отъ ярмарки, на которую киргизы сгоняли сюда сотни тысячъ своего скота и съѣзжались сами съ громаднѣйшаго пространства.

Этотъ съѣздъ и привлекалъ насъ собой, представляя рѣдкое мѣсто для всевозможныхъ наблюдений, гдѣ легче всего познакомиться, узнать, что такое степь, гдѣ легче всего узнать свободно-разгуливающаго по ней ея киргиза, видѣть его жизнь-наблюдать ее во всей ея непринужденности.

Это была своего рода выставка степи со всѣми ея овцами и баранами, со всѣми ея козлами, быками и лошадьми, со всѣми населяющими ее народностями, начиная съ переселенца хохла и кончая бѣднымъ киргизомъ, со всѣми ея юртами, увеселеніями, со всей той обстановкой степи, которая интересна для новаго человѣка. И мысль объ этой ярмаркѣ часто дорогой приходила въ голову, и мы только о ней и говорили.

— А, что, Ахметъ, — обращались мы къ своему проводнику, — скоро Тайчи?

— Тайчи? — переспрашивалъ насъ въ мохнатомъ малахаѣ, несмотря на лѣто, Ахметъ. — Тайчи далеко еще: сначала будетъ дорога, потомъ будетъ

другая дорога еще — небольшая со столбами, съ проволокой, потомъ будетъ юрта одна, потомъ будутъ Тайчи! О,—заключилъ онъ:—Тайчи далеко, далеко еще, далеко!

Но мы не огорчались этой далью степной, радуясь тому, что въ ней столько для насъ заманчиваго, новаго. что мы не можемъ этой степью наслаждаться.

Дѣйствительно, мы скоро встрѣтили одну дорогу. Эта дорога была уже колесная и такая гладкая, ровная, убитая копытами прогоннаго скота, что хотя по ней сейчасъ пускай любой автомобиль со скоростью вѣтра.

Скоро попался намъ настоящій трактъ, если только можно такъ назвать проселочную дорогу съ телеграфными столбами.

— Куда же идутъ столбы?—спросили мы Ахмета. Ахметъ важно отвѣтилъ.

— Въ Тайчи.

* * *

Скоро мы увидали и обѣщанныя юрты киргизовъ,—бѣлыя подъ солнцемъ, какъ пятна, въ зеленой степи, кругомъ которыхъ что-то издали копошилось въ видѣ стада.

Уже вблизи этихъ юртъ, разбросанныхъ по степи, мы неожиданно встрѣтили всадника. Онъ былъ въ тепломъ бараньемъ малахаѣ и верхомъ на быкѣ. Пропустить такой случай было невозможно нашему любителю-фотографу, и мы попросили Ахмета приостановить немного всадника, чтобы запечатлѣть его во всей его прелести на фотографическую пластинку.

Дѣйствительно, онъ былъ прекрасенъ, съ своимъ темно-бурымъ рогатымъ быкомъ, съ своей арбою скрипучею, съ первобытными колесами, съ своимъ сѣдломъ на волѣ, и съ плетеною корзиною, полною какого-то ярмарочнаго груза.

Фотографировать его было дѣломъ одной минуты при этомъ сіяющемъ яркомъ солнышкѣ; но что меня поразило, это то, что онъ не былъ удивленъ этимъ своимъ позированіемъ и смотрѣлъ на все это уже, какъ на знакомое ему дѣло.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я его, почти увѣренный, что онъ не отвѣтитъ, не зная русскаго нарѣчія. Но онъ бойко и быстро отвѣтилъ:

— Керимко.

Керимку предложили папиросъ, онъ взялъ одну, не слѣзая съ сѣдла, съ чисто-киргизскимъ достоинствомъ и граціею, и закурилъ ее, сидя на своемъ быкѣ.

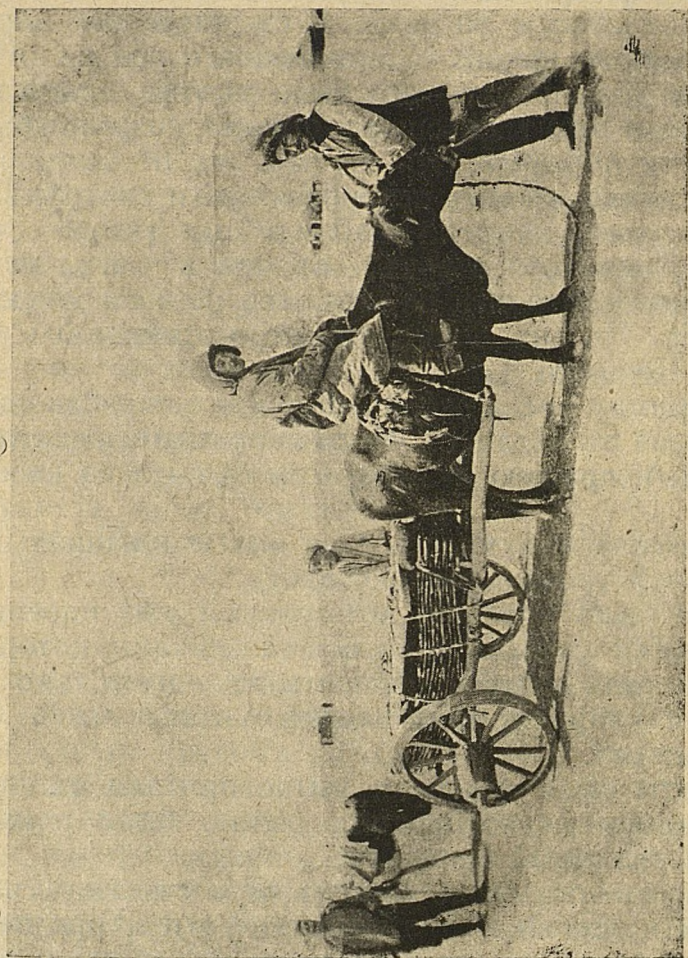
Картина получилась еще болѣе оригинальная, и мы всѣ громко расхохотались.

Это былъ молодой, но взрослый уже парень, и съ такими умными темными глазенками, которыя, словно такъ и говорили намъ, что ему только нуженъ случай съ нами познакомиться, чтобы подружиться.

Юрты были недалеко; мы повертели къ нимъ, и къ нимъ же повертилъ своего быка и нашъ новый знакомый Керимко.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ въ нашей компаніи и пилъ нашъ кумысъ, предлагая намъ заѣхать къ нему въ юрты, когда мы будемъ возвращаться изъ Тайчей, и приглашалъ насъ такъ настойчиво, что было трудно отказаться.

— Да, что же тамъ, въ юртахъ твоихъ особен-

наго? — спрашиваю я, видя его странную настойчивость къ неизвѣстнымъ ему людямъ.

— Я вамъ покажу одно озеро.

— Что же тамъ, на твоемъ озеркѣ?

— Много гуся!.. Страсть много гусей на нашихъ озеркахъ,—пойдете со мной, арбу наколотимъ гусей и столько же утокъ.

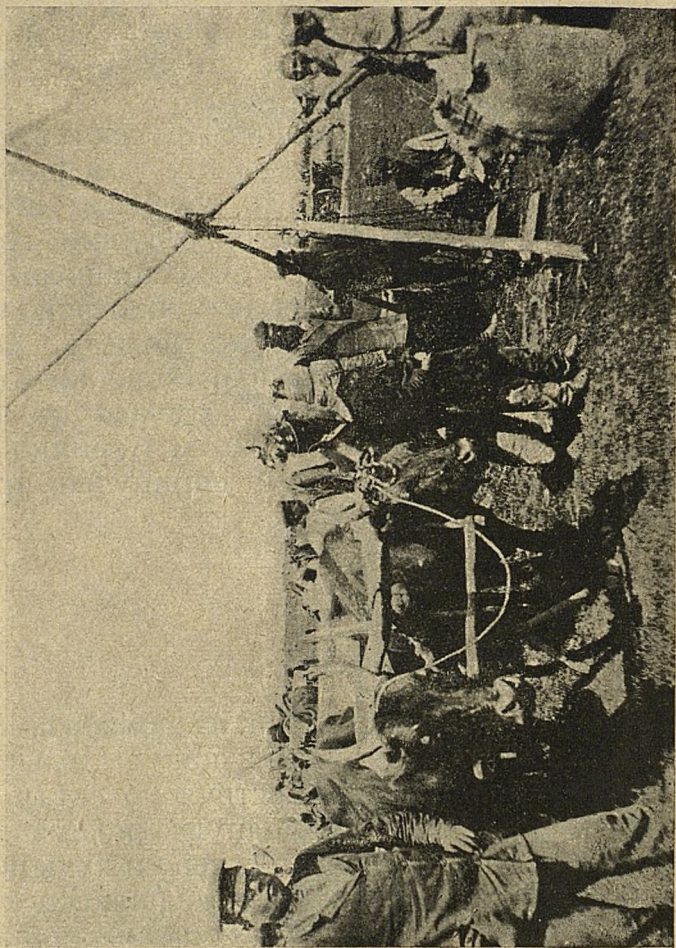
Оказалось, это—проводникъ русскихъ, случайныхъ здѣсь охотниковъ во время ярмарки, котораго неизвѣстно что только увлекало въ этомъ случаѣ, — познакомиться ли съ рѣдкими гостями-русскими, показать ли имъ свои приволья и богатства, или просто страсть къ болотной утиной стрѣльбѣ, о которой онъ, быть можетъ, мечталъ только, еще не имѣя собственнаго хорошаго оружія.

Мы дали слово Керимку заѣхать къ нему и поохотиться, тронулись далѣе, и Керимко скоро отсталъ отъ насъ съ своей скрипучей арбой и братишкой.

II.

Скоро мы были въ Тайчи на ярмаркѣ—оригинальной киргизской ярмаркѣ, какую только привелось мнѣ видать, путешествуя по свѣту.

Представьте себѣ громадную, ровную степь, среди этой степи—громадное озеро и чуть не кругомъ его разбросанныя кошечныя палатки съ стадами быковъ и барановъ, съ косяками лошадей и верблюдовъ, съ непрерывно повсюду двигающимися скрипучими арбами, нагруженными шкурами скота и барановъ, съ безконечными всадниками,

снующими взадъ и впередъ, съ караванами горбатыхъ верблюдовъ, съ юга пришедшими съ товарами, съ крикомъ ословъ, бляніемъ барановъ, съ громкимъ, пронзительнымъ ржаніемъ лошадей, со свистомъ и криками всадниковъ, съ тѣмъ шумомъ, гамомъ и говоромъ непонятныхъ нарѣчій, какимъ только, кажется, богата одна эта степь, собравшая и сартовъ, и татаръ подъ свои кошечныя палатки, и киргизовъ, и калмыковъ, и хохловъ, и русскихъ казаковъ, и переселенцевъ...

А когда мы попали въ центръ той ярмарки, на торговую площадь, около озера, которую всю, несмотря на ея громадное отгороженное пространство, какъ грибы облѣпили кругомъ кошечныя палаточки, то шумъ, крики животныхъ и людей, толкотня сдѣлались еще сильнѣе. Это былъ уже настоящій базаръ, съ рядами воевъ, полныхъ самыми разнообразными хозяйственными товарами, съ арбами, полными пшеницы и крупъ, съ мѣшками, полными разной зелени, съ вѣсами въ видѣ приподнятыхъ жердей, съ холщевыми навѣсами, гдѣ лежали овощи, и тутъ же у ногъ людей тысячи барановъ, которые, словно оглушенные говоромъ и крикомъ людей, тревожно лежали въ пыли на улицѣ, дожидая покупателя и уступки продавца.

Бѣдные киргизскіе барашки. — они и не знали, что кругомъ ихъ уже собралась порядочная толпа покупателей, которая жадно осматривала ихъ, грубо ощупывала ихъ, пинала и толкала ихъ, назначая за нихъ цѣны!

Мы поскорѣе проѣхали мимо этого страшнаго торжища, и встали у одной кошечной палатки, гдѣ намъ была отведена квартира.

Это была просторная, кошечная, бѣлая, уютная юрта, надъ дверями которой было что-то написано по-киргизски, какъ послѣ оказалось, „квартира для чиновниковъ“.

Въ юртѣ была уже цѣлая компанія, которая прямо сидѣла на разостланныхъ коврахъ, поджавши подъ себя ноги, какъ это мы дѣлаемъ на пикникахъ, и такъ важно и спокойно попивала кумысъ, что мы сразу же пристали къ ней, чтобы утолить свой голодъ.

Завести знакомство было дѣломъ одной минуты; наше общество словно только поджидала компанія почтовыхъ чиновниковъ, принужденныхъ коротать здѣсь время; изъ числа чиновниковъ оказалось два охотника, и мы скоро рассказали имъ про встрѣчу и знакомство наше съ Керимкой.

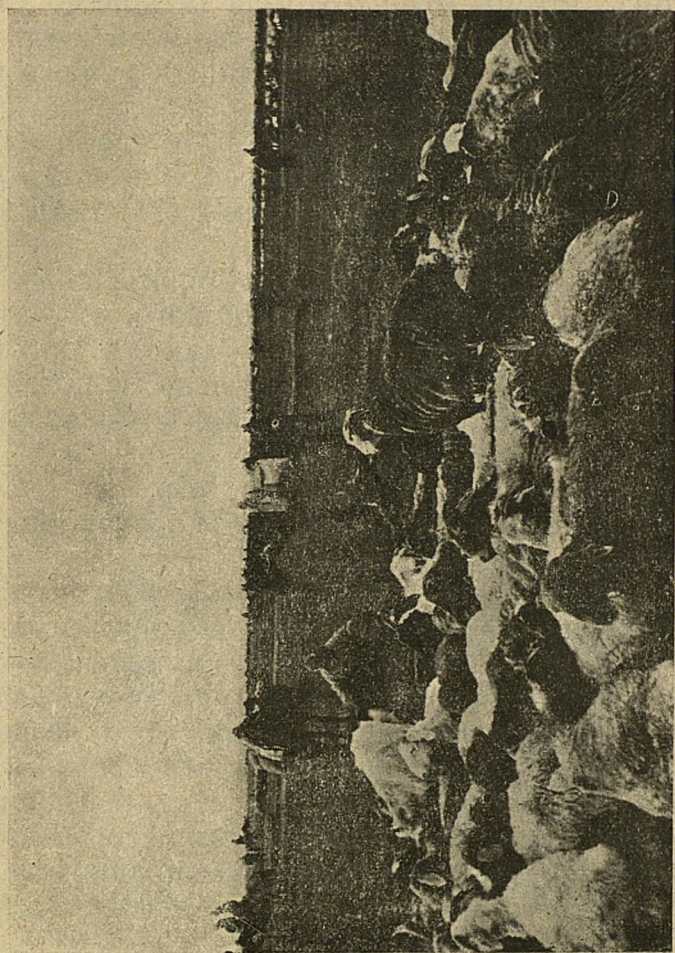
— Съ Керимкой? — почему-то особенно удивился одинъ, бородатый, съ очками на глазахъ, сухой изъ себя чиновникъ.

— Да, съ Керимкой, — говорю я просто, не подозревая даже, какое впечатлѣніе произвело на него одно имя этого киргиза.

— Съ Керимкой? — спрашиваетъ меня другой товарищъ его по охотѣ.

И, прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, недоумѣвая еще, чѣмъ особенно ознаменовалъ себя этотъ киргизъ, раздался такой оглушительный хохотъ всей компаніи, что я даже покраснѣлъ отъ этой неожиданности.

На всѣ наши разспросы про Керимка ровно никто изъ чиновниковъ не отвѣтилъ ни слова; но

всѣ продолжали заливаться такимъ заразительнымъ хохотомъ, что мы тоже хохотали чуть не до слезъ, видя общее небывалое веселье въ этой юртѣ.

Наконецъ, кто-то изъ компаніи вздумалъ насъ познакомить съ Керимкой:

— Керимко, — началъ онъ, — это такой плуть-киргизишко, такая продувная бестія, какихъ еще, кажется, не рождала эта степь отъ сотворенія свѣта!..

Но прежде чѣмъ онъ приступилъ, какъ слѣдуетъ, къ описанію нашего знакомаго, ему кто-то изъ угла палатки погрозилъ кулакомъ такъ знаменательно, что онъ плюнулъ только, и потянулся за стаканомъ своего кумыса, какъ бы сразу забывши тему разсказа.

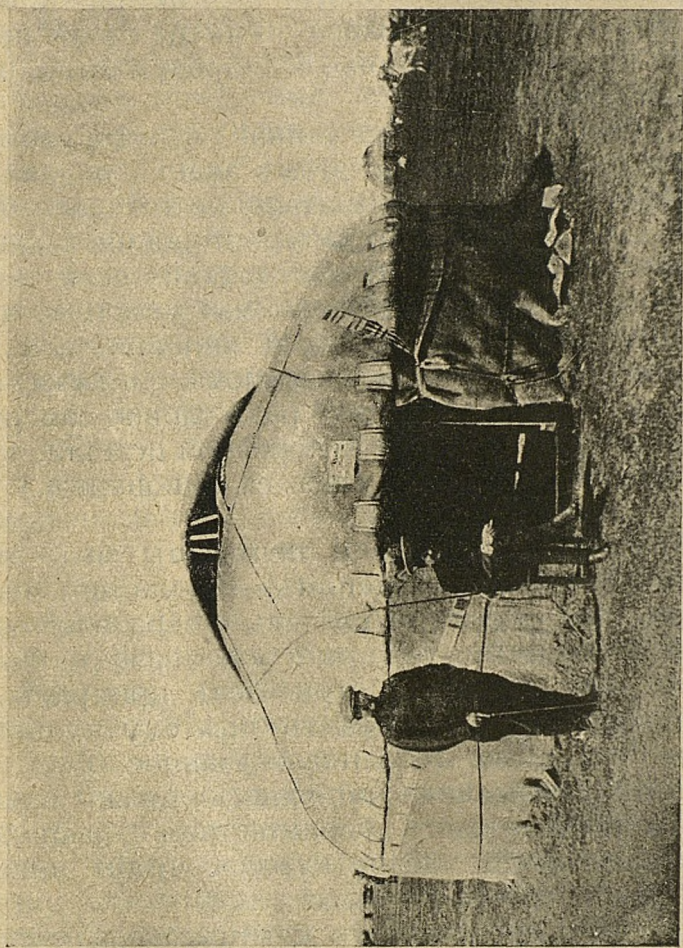
Но, вѣроятно, не замѣтивши этого, кто-то другой изъ компаніи рѣшился насъ познакомить съ личностью этого киргиза:

— Керимко что... онъ проведетъ и выведетъ изъ терпѣнія любого охотника изъ русскихъ!..

Но и тотъ какъ-то вдругъ смутился, уже на предисловіи, и закашлялся вдругъ, когда кто-то изъ начальства почтоваго окликнулъ его, назвавши только одну его фамилію, но такимъ голосомъ, который сразу оборвалъ его охоту къ разсказу.

Между тѣмъ, насъ такъ заинтересовалъ этотъ киргизъ, что мы настойчиво спрашивали про него компанію, которая, видимо, чего-то стѣснялась.

Замѣтно было, что болѣе всѣхъ беспокоился въ этой исторіи бородатый сухой чиновникъ съ очками, который то откидывался назадъ, какъ бы не желая быть теперь видимымъ, то строго озирался, блестя стеклами очковъ, то вдругъ принималъ та-

кую сердитую дѣловую фізіономію, какъ бы занятый уже, Богъ вѣсть; какимъ почтовымъ дѣломъ.

Мы сразу нащупали, что онъ былъ виновникомъ какой-то смѣшной охотничьей исторіи и, наливши ему стаканъ свѣжаго кумыса, стали просить его разсказать исторію, если, разумѣется, это только не тайна.

— Какая тайна! Какая тайна!—вдругъ словно прорвало его:—когда объ этомъ знаетъ половина уже степи!.. Но мнѣ, признаться, не хотѣлось бы, чтобы знали объ этомъ совсѣмъ посторонніе люди!..

Мы увѣрили, что мы не посторонніе, если такъ сразу сошлись и подружились; мы увѣрили, что сохранимъ тайну этой степи, и чиновникъ, хотя выругался при этомъ вынужденномъ согласіи, но согласился. И юрта въ первый разъ словно замерла въ ожиданіи разсказа этой интересной исторіи, которую намъ разскажетъ самъ ея виновникъ.

Но онъ распорядился:

— Бѣлоусовъ, разскажи нешто ты имъ эту исторію съ Керимкой-подлецомъ,—ты мастеръ разсказывать, другіе такъ не умѣютъ —обратился онъ къ тому чиновнику, который уже началъ было разсказъ; — но только смотри. безъ прикрасъ, я тебѣ иначе вотъ!.. — показалъ онъ ему кулакъ, какъ бы безъ слова дополняя сказанное.

Веселый разсказчикъ чиновникъ только крикнулъ отъ предстоящаго удовольствія и распорядился принести еще ведро кумыса, чтобы дополнить эффектъ своего разсказа.

Принесли ведро свѣжаго кумыса; подали стаканы свѣжіе, и, когда всѣ отпили изъ нихъ и откинулись на свои мягкія подушки, веселый разсказчикъ только этого и дожидался.

— Я вамъ говорилъ уже, господа, что Керимко—каналья!.. Мало этого—это такая продувная, киргизская морда, какую давно уже слѣдовало бы нашему брату-охотнику знать хорошенько!.. Къ сожалѣнію, русскій охотникъ обладаетъ страшной терпѣливостью, почему, я полагаю, на его долю и выпадаютъ продувные штуки этого Керимки! Помните, дорогой нашъ соратникъ по полю, Ефимъ Яковлевичъ, какъ этотъ самый Керимко съ своей плутовской замашкою заманилъ васъ позапрошлымъ лѣтомъ на болотную кочку?

— Ну, что тутъ о кочкѣ—ты рассказывай намъ суть!—раздался, было, чей-то нетерпѣливый голосъ; но его тутъ же прервали, прося не сбивать съ разсказа опытнаго рассказчика, который, было, уже остановился.

— Помните кочку, говорю, болотную, на которую васъ усадилъ этотъ вашъ прославленный Керимко и заставилъ не только сидѣть въ ожиданіи гусей, которые и не заглянули, гдѣ вы сидѣли, ваше благородіе, а заставилъ даже носиться чуть не цѣлыя сутки по болоту? Кто изъ киргизовъ могъ устроить такую исторію, чтобы потомъ показываться на кошмахъ отъ смѣха надъ русскимъ чиновникомъ? Кромѣ Керимки, плута этого, никому въ степи не выдумать.

— Вамъ мало было, ваше благородіе, этого урока хитраго киргиза, — продолжалъ рассказчикъ, — вы отправились съ нимъ еще на пропавшую тушу дикой свиньи! Свинья эта, зналъ прекрасно вашъ Керимко, да и съ нимъ всѣ его юрты проклятыя, пропала самой естественной смертію, но Керимко устроилъ изъ этой свиньи такую вамъ свинью, о которой стыдно вспомнить!.. Помните,

ваше благородіе, какъ онъ все соблазнялъ васъ на свиную облаву съ ребятишками, какъ вы пришли въ самое наилучшее отъ этого настроеніе, только удивляясь смышлености киргиза, и помните, сколько удовольствіе это вамъ стоило на мѣдъ и серебро, которое перепало бѣднымъ юртамъ, и въ результатъ явилась какая-то старая, уже облѣзлая свинья, въ смерти которой вы совсѣмъ неповинны?

Оба этихъ предварительныхъ разсказа сопровождались гомерическимъ хохотомъ компаніи, и чуть не всѣхъ громче и больше хохоталъ Ефимъ Яковлевичъ, который словно переживалъ теперь снова всѣ эти исторіи, оказавшіяся просто ребяческими продѣлками хитраго Керимки.

— И свинья и кочка не вразумили васъ, ваше благородіе, и вы отправились съ этимъ архиплутомъ степи прошлое лѣто за дрофами! Были ли, дѣйствительно, дрофы тогда въ степи, относительно этого пока точно неизвѣстно: вы говорите, что своими глазами видѣли, хотя давно носите очки и не можете порой прочесть, какая сумма значится у подателя на почтовой повѣсткѣ; но Керимко, я слыхалъ, говоритъ, что не было и дрофъ, кругомъ которыхъ онъ выдумалъ возить ваше благородіе на арбѣ своей съ рискомъ разбить вамъ потомъ не только ваши очки, но и вывихнуть обѣ руки и ноги!..

Въ палаткѣ было поднялся споръ съ разсказчикомъ относительно присутствія дрофъ на памятной охотѣ, но мы попросили продолжать разсказъ.

Между тѣмъ, веселый разсказчикъ нашъ описывалъ путешествіе на арбѣ уважаемаго охотника, съ Керимкою на быкѣ верхомъ, по голой

степи. Онъ преуморительно изобразилъ тощую фигуру Ефима Яковлевича съ ружьемъ въ рукѣ, съ очками на глазахъ, вперившагося въ далекую сѣрую точку. Это было такъ хорошо, что его даже похвалилъ самъ Ефимъ Яковлевичъ, хотя при этомъ снова показалъ ему свой кулакъ, какъ бы прося быть осторожнымъ въ разсказахъ.

Затѣмъ веселый нашъ разсказчикъ самымъ натуральнымъ образомъ изобразилъ намъ скрипъ киргизской немазаной арбы, который, по его словамъ, по крайней мѣрѣ цѣлый часъ раздавался по голой степи, когда онъ кружилъ около воображаемаго стада дрофъ съ быкомъ и Керимкой въ видѣ всадника на быкѣ.

Этотъ торжественный, осторожный объѣздъ со скрипомъ арбы, будто бы, по словамъ разсказчика, былъ крайне необходимымъ, чтобы дрофы привыкли видѣть и слышать мирнодвигающуюся арбу кругомъ ихъ стада, которое, привыкнувъ, такимъ образомъ только и подпускаетъ охотниковъ на выстрѣлъ къ себѣ, и въ концѣ концовъ даже ложится и прячется въ траву, вѣроятно, воображая, что его не видятъ охотники.

Затѣмъ нашъ разсказчикъ, порядочно насмѣшивъ насъ натуральнымъ изображеніемъ скрипящей арбы, распѣвающей во всю степь: „курлы-ы, курлы-ы-ы“, изобразилъ намъ лѣниваго быка и возсѣдающаго на арбѣ скрипучей подъ эту музыку киргизскую и самого злосчастнаго Ефима Яковлевича, разумѣется, съ скорченной фигурой, чтобы не перепугать дрофъ, съ ружьемъ наготовѣ противъ тѣхъ птицъ, которыя существовали, быть можетъ, только въ его воображеніи: изобразилъ и посматривающихъ на эту картину киргизовъ

изъ селенія, которые видѣли всѣ продѣлки своего Керимка.

Все это было разсказано съ такимъ мастерствомъ и съ такимъ знаніемъ мѣстныхъ условій и такъ наглядно при этомъ, что всѣ мы буквально покатывались со смѣху.

Наконецъ, разсказчикъ приступилъ къ самому гвоздю разсказа о томъ, какъ Ефимъ Яковлевичъ вышелъ изъ терпѣнія, кружась около воображаемыхъ дрофъ, благодаря крайне лѣнивому быку, который двигался съ скрипучей арбою самымъ отчаянно-медленнымъ шагомъ. „Да, лупи ты, лупи вола, Керимко, хорошенько, что онъ у тебя словно спитъ на ходу, — такъ медленно двигается по степи“! говоритъ Ефимъ Яковлевичъ Керимкѣ. Но Керимко напрасно дрыгаетъ своими длинными ногами и подстегиваетъ его вицею, — быкъ, какъ говорится, ни съ мѣста.

Тогда Ефимъ Яковлевичъ самъ вооружается какою-то вицею и начинаетъ лупить быка; но быкъ ровно не хочетъ прибавить ни одного шага. Тогда измученный Ефимъ Яковлевичъ останавливаетъ быка и предлагаетъ Керимкѣ смѣнить его на другого быка, чтобы закончить эту охоту. Но Керимко рѣшительно возстаетъ противъ этого предложенія Ефима Яковлевича, говоря, что дрофы могутъ скрыться тѣмъ временемъ и предлагаетъ Ефиму Яковлевичу испытать крайнее средство.

Онъ говоритъ, что скроется на минуту въ ближайшихъ камышахъ, вывернетъ свою баранью шубу, а когда Ефимъ Яковлевичъ будетъ проѣзжать эти камыши, выскочить оттуда неожиданно и рывкнетъ на быка изъ камышей голосомъ тигра.

Такая находчивость поражаетъ Ефима Яковле-

веча, онъ въ восторгѣ отъ предложенія Керимка поугасть тигромъ лѣниваго вола, и съ такой увѣренностью забирается на вола вмѣсто Керимка, чтобы править арбою, что и Керимко въ восторгѣ. Скрыться незамѣтно для вола въ ближайшихъ камышахъ и вывернуть тамъ свою шубу Керимку только—одна минута, въ слѣдующую минуту къ камышамъ, переважно сидя на волѣ, подъѣзжаетъ Ефимъ Яковлевичъ; но тутъ вышло нѣчто такое неожиданное для Ефима Яковлевича, чего онъ, кажется, никогда и не ожидалъ отъ лѣниваго животного.

Быкъ вскинулъ рогами въ сторону камышей, затѣмъ поднялъ хвостъ свой вертикальнымъ образомъ и съ такимъ дикимъ ревомъ, такимъ галопомъ бросился отъ камышей прямо въ свое селеніе, что Ефимъ Яковлевичъ чуть усидѣлъ на спинѣ его, держась за шею его, и такъ и замеръ отъ ужаса на быкѣ, предчувствуя, что онъ разобьетъ его или затопчетъ копытами.

Съ дикимъ ревомъ быка, съ жалобнымъ скрипомъ арбы, пронесся бѣдный Ефимъ Яковлевичъ по голой степи мимо воображаемыхъ дрофъ, Керимко, въ селеніи, когда уже народъ бѣжалъ навстрѣчу ему, чтобы не случилось чего хуже.

Но всѣ усилія киргизовъ остановить взбѣсившагося быка были напрасны: быкъ задѣлъ за что-то въ селеніи.—арба его разлетѣлась въ куски, быкъ палетѣлъ на какіе-то ворота, перескочилъ какую-то изгородь, и бѣдный Ефимъ Яковлевичъ свалился съ него въ видѣ мертваго тѣла...

Въ результатѣ у бѣднаго Ефима Яковлевича была вывихнута рука, патронташъ его и ружье нашли въ самомъ плачевномъ состояніи, а обезу-

мѣвшій быкъ убѣжалъ такъ далеко въ степь, что его едва-едва нашли тамъ уже къ вечеру, все еще озирающагося, какъ будто онъ на самомъ дѣлѣ былъ предметомъ нападенія настоящаго тигра.

Такъ плачевно закончилась охота на дрофѣ Ефима Яковлевича, который еще теперь увѣряетъ, что видѣлъ дрофѣ и еще теперь увѣренъ въ искренности плутоватаго Керимка, и, если что взялъ еще за правило, то только одно, никогда не садиться верхомъ на воловъ, зная по горькому опыту своему, какъ бываетъ неприятна на нихъ верховая скачка.

На другой день послѣ разсказа этой исторіи мы видѣли на базарѣ Керимка. Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ съ своею скрипучею арбою и своимъ бурымъ лѣнивымъ быкомъ, что-то продавая съ своего воза. При видѣ насъ онъ было очень и замѣтно обрадовался; но когда мы ему напомнили охоту на дрофѣ съ Ефимомъ Яковлевичемъ, онъ немало смутился. Видно было по глазамъ, что это порядочный плутишко изъ киргизовъ, и видно было по его разстроенной фізіономіи, что онъ очень жалѣлъ, что ему не удалось такъ же насъ одурачить, какъ одурачилъ бѣднаго Ефима Яковлевича на охотѣ за дрофами.

Но покидая его арбу, мы были увѣрены, что онъ одурачитъ еще многихъ охотниковъ изъ русскихъ чиновниковъ, которые довѣрчиво отдаются неизвѣстнымъ имъ проводникамъ и вѣрятъ на слово каждому киргизу.

Въ Киргизской степи.

Разсказъ.

Въ Киргизской степи у меня есть одинъ знакомый переселенецъ, къ которому я всегда заѣзжаю по пути, отправляясь въ эту степь.

Это—хохолъ изъ Кіевской губерніи, такой добродушный старичокъ, и съ такою радушною семьей, что всегда заѣзжаешь къ нему, какъ въ родную или очень ужъ знакомую семью.

Я помню этого переселенца еще тогда, когда онъ только-что переселился въ эту степь и устроился своимъ хуторомъ въ земляной избушкѣ. Эта избушка его меня поразила своею чистотой и какою-то особенною уютностью, свойственною только хорошему крестьянину: глиняный полъ безъ соринки, съ чистыми, киргизскими цыновками изъ

травы, стѣны бѣлыя, вымазанныя только-что известью, печка такая опрятная, аккуратная, съ занавѣсочкой, изъ-за которой выглядывали дивчата, а въ переднемъ углу—столько старинныхъ образовъ, такъ все оклеено разноцвѣтными бумажками, что я удивился, что нужно было все это привезти сюда изъ далекой Кіевской губерніи. Около земляной избушки загороженъ садочекъ съ какими-то саженцами; на задахъ двора, обнесеннаго плетеною изгородью и умазаннаго саманною глиной, разбитъ огородъ съ высокими подсолнухами, а на маленькихъ окнахъ избушки какіе-то немудрые цвѣточки.

Оказывается, люди, ѣхавшіе сюда, на новую родину, не забыли ровно ничего изъ своихъ обычаевъ и привязанностей, даже сѣмянъ цвѣтовъ, чтобы не разставаться съ ними тамъ, гдѣ они совершенно еще чужды.

Такими же цвѣточками выглядывали и дѣти этой многочисленной переселившейся семьи,—веселыя и жизнерадостныя, кудрявыя и загорѣвшія, но въ чистенькихъ рубашечкахъ и платьицахъ...

Невеселою была въ этой семьѣ одна бабушка, которая все охала и вспоминала свою деревню, все качала головой такъ неодобрительно и все упрекала „старшихъ“, что они вытянули ее на старости лѣтъ изъ родной деревни. Ей не нравилась эта степь пустынная, она очень не хотѣла тутъ помереть безъ покаянія, потому что церковь, къ которой приписали ихъ, была чуть не за сотню верстъ. Она все плакалась, чтобы ее отвезли домой, къ роднымъ ея могилкамъ.

И это было только одно печальное явленіе во всей этой только-что переселившейся семьѣ, ко-

торая была довольна выбраннымъ мѣстомъ, черноземомъ не паханной земли, въ восторгѣ отъ простора, въ которомъ она очутилась. Добрый дѣдъ жаловался, что ребята его отбили отъ обычнаго труда, ухватившись всѣми силами за охоту: „повѣрьте, баринъ,—сѣтовалъ онъ съ обычною своею ворчливостью, но вмѣстѣ и съ добродушіемъ: — прямо сдѣлались какими-то промышленниками, а не крестьянами; все со своими пищалями, все со своею охотой, промысломъ зимой и лѣтомъ, все гдѣ-то на озерахъ утокъ подстрѣливаютъ... Страсть привозятъ сколько этого дичья,—пріѣсть нѣтъ возможности, бабы ужъ подушки пухомъ ихъ набили, — а хозяйство, смотришь, застаивается. Хорошо, что еще оно — все въ маломъ такомъ размѣрѣ“!

Дѣйствительно, его сыновья—уже взрослые,—попавши въ эту степь и увидѣвъ богатства ея природныя, какъ бы вновь, какъ когда-то въ древнія времена предки ихъ, загорѣлись страстью къ охотѣ и превратились въ какихъ-то дикарей, все время отдавая охотѣ. И даже дѣвушки какъ-то лихо начали скакать верхомъ на дикомъ киргизскомъ конѣ, гоняться за лисицами и пускаться за промыслами разной дичи въ степи и въ лѣсу, какъ бы дикарки. Но и самъ старикъ, видимо, хотя и осуждалъ это естественное увлеченіе послѣ Кіевской губерніи, радовался, видя дѣтей занятыми и увлеченными, видя, какъ ихъ правязала степь, какъ увлекла она ихъ своею добычей...

Только объ одномъ онъ заботился, чтобы они не очень налегали на это: „Тихонько, ребятаушки, дѣтушки, не сильно озорничайте съ ружьемъ и петлями; выбьете дичь, перепугаете больше ее, и она

оставить эти мѣста, благословленные Богомъ, предназначенныя для человѣка“.

Но всего этого было слишкомъ достаточно: дикіе утки и гуси водили своихъ дѣтей прямо мимо ихъ хутора на озеро, черные косачи садились на ближайшія къ хутору березы, а на озерѣ плавало и перекликалось такое множество дикихъ птицъ, что, казалось, этому богатству не будетъ конца на вѣки.

*
* *
*

Черезъ два года я не засталъ тоскующей по родинѣ старой бабуси: она померла, такъ и не дождавшись возвращенія на родныя могилки, но зато я не узналъ и хутора переселенца.

Просторный саманный домъ съ тесовою крышей, изъ нея выставляется не одна труба, бѣлая, вымазанная известью, къ голубому небу, ограда вся саманная, домашнія постройки расширились на цѣлый кварталъ, а огородъ разросся до такой степени, что сбѣжалъ окончательно къ самому озеру и вошелъ въ него высокими тополями. И тутъ же по берегу озера десятины, засѣянные чудными арбузами въ видѣ бахчи, тутъ же рядомъ поле просторное, которому, казалось, не было границъ, какъ распахало его это многочисленное семейство.

Не хуторъ, а усадьба какая-то помѣщичья, только со скромными постройками, внутри которыхъ уже появились новые предметы: почиживающіе часики, такіе ладные, веселые; картины, олеографіи московскаго рынка, лампы висячія и стоячія, рекламы разныхъ жатвенныхъ, швейныхъ и сельско-хозяйственныхъ машинъ иностраннаго про-

изведенія, и даже зеркало во всю высокую стѣну...

Вмѣстѣ съ обстановкой преобразились и сами ея обитатели.

Старикъ хохоль еще держался прежней простой одежды, но сыновья его уже щеголяли какими-то тужурками, молодыя женщины промѣняли сарафаны на новыя модныя платья, а дѣвушки окончательно были нарядныя, какъ барышни, и даже дѣти, уже народившіяся въ этой степи, щеголяли какими-то кружевцами.

А на дворъ хоть не заглядывай: нужно цѣлый часъ, чтобы обойти его со стариномъ-хохломъ и выслушать, что онъ завелъ.

Я, помню, удивился, какихъ онъ выростилъ тутъ воловъ киргизской породы. Это были громадныя чудовища съ покорностью человѣку, ходячая сила, замѣняющая паровой двигатель, благодаря которой эта семья уже поднимала столько земли, что ея не хватало уже по надѣлу.

Чувствовалось, что семья эта окрѣпла тутъ, пустивши на вѣки свои корни.

Можно было только радоваться этой новой Россіи, поселившейся на этихъ привольныхъ степяхъ. Можно было только гордиться тѣмъ, что русскій человѣкъ всюду со своею дѣятельностью и предпріимчивостью находилъ себѣ мѣсто. И я, помню, уѣхалъ отъ этого старичка-хохла съ такою увѣренностью въ будущности его заимочки, хутора, что въ будущій свой пріѣздъ найду ее еще въ лучшемъ состояніи.

Надежды не заставили долго ждать этого случая: мнѣ пришлось всего чрезъ два года побывать

снова въ этихъ мѣстахъ, и я, дѣйствительно, нашелъ займку его разросшеюся въ маленькій веселый поселокъ. Рядомъ съ домомъ старика стоялъ какъ будто уже настоящій городской, деревянный домикъ съ веселыми окнами; немного далѣе, по другую сторону, тоже выросла какая-то жилая постройка, хотя болѣе скромная по внѣшнему виду; напротивъ были какія-то еще новыя скромныя мазанки, и образовалась уже улочка, и на улочкѣ этой красовалась хорошенькая зелененькая часовня.

Совсѣмъ новый поселокъ на берегу громаднаго озера, которое блестѣло, казалось, въ той же прелести, что и раньше, своими тихими водами среди темно-зеленыхъ камышей степи.

— Поздравляю! поздравляю!—встрѣчаю я дѣда-хохла, вышедшаго ко мнѣ, казалось, съ радостью, — только - что ему доложили обо мнѣ его бойкія внучки.

— Съ чѣмъ поздравляете, господинъ? — спрашиваетъ онъ, какъ бы не понимая, о чемъ я говорю.

— Съ поселкомъ поздравляю, дѣдъ, съ часовенкой! Любо посмотрѣть издали, какой выстроился поселочекъ. Совсѣмъ настоящая русская деревня.

Ничего не отвѣтилъ мнѣ на это старикъ, поторопившись меня принять въ своей уютной, знакомой мнѣ комнаткѣ.

Тамъ все было по - старому, только какъ - то гордо смотрѣла его сноха и не такъ одолѣвало его внучекъ любопытство.

Разспрашиваю старика про житье. Отвѣчаетъ.

— Некорыстно что-то стало житье: какъ - то

скучно стало мнѣ нынѣ, ничего уже не радуетъ, и вотъ такая тоска по родинѣ, что бросилъ бы все и ушелъ, хотя посмотрѣлъ бы, какъ цвѣтутъ у насъ яблоньки, и легъ бы рядомъ въ могилу съ родными...

— Это отъ старости, — утѣшаю его: — на старости лѣтъ вѣчно кажется какъ-то неинтересно и скучно... нѣтъ той дѣятельности, что раньше, нѣтъ того ко всему интереса...

— Не знаю. Не знаю, — уклончиво отвѣчаетъ дѣдъ, — можетъ-быть, и отъ старости, только говорю, что скучно. Да вотъ пойдемте послѣ чайку. покажу я вамъ наше селеніе, сами увидите, чему тутъ радоваться и о чемъ горевать.

* * *

Послѣ чаю мы, дѣйствительно, отправились съ нимъ въ поселокъ, и прямо къ большому, пяти-стѣнному раскрашенному домику, который оказался домомъ его старшаго сына.

Когда мы стали приближаться къ нему, онъ заговорилъ:

— Это Никишенки моего домика... Ничего себѣ, ладненькій, даже внизу устроена лавчонка... Только не глянется мнѣ, что онъ бросился наживать торговлей деньги: не наше дѣло это, крестьянское, пусть торгуютъ купцы, мы родились для земли и для ея богатства. Не знаю, въ кого онъ вышелъ такой: все норовитъ въ гору залѣзти, разбогатѣть.

Я не узналъ Никишу, котораго зналъ еще чуть не мальчикомъ съ ружьемъ на охотѣ, — такая окладистая, солидная борода, брюшко отъ излишняго

чая и питанія, и при этомъ какое-то высокомѣрие купеческое и задумчивость, какъ-будто у него въ въ головѣ происходили коммерческіе расчеты.

Въ комнатахъ городская обстановка: вѣнская мебель, диванчики, вязанныя скатерти, олеографіи на стѣнѣ и даже граммофонъ.

Начался разговоръ, и какъ-то невольно сошелъ на торговлю.

Торговля оказалась очень заманчивою: киргизы брали товаръ очень бойко, за отсутствіемъ ближайшаго рынка; переселенцевъ тоже понаѣхало въ степь, порядочно, и тоже былъ порядочный спросъ, но только приходилось все давать больше въ одолженіе, до ближайшаго хорошаго урожая.

Въ то время, когда сынъ хвалилъ и объяснялъ всю выгоду торговли въ степи, старикъ только покачивалъ головой. Я обратилъ на это вниманіе, и старикъ прямо отвѣтилъ:

— Развѣщаетъ онъ по кустамъ наши денежки, вотъ посмотрите ужъ, и надуютъ его эти киргизцы!

— Зачѣмъ надуютъ, папенька? — возражалъ сынъ: — киргизы — народъ состоятельный, со стадами.

Но старикъ, видимо, не соглашался и продолжалъ:

— Пахалъ бы, пахалъ землю-матушку; хоть богатства отъ нея большого не жди, въ первую гильдію она тебя не возведетъ, но сытъ и спокоенъ будешь.

— Да, вѣдь, я пашни не бросаю, — снова возражаетъ сынъ: — вотъ и нынѣ десятинъ тридцать засѣялъ хлѣбцемъ.

Но старикъ только вертѣлъ головой, продолжая:

— Какое это земледѣліе — чужими руками: нѣтъ,

ты возмись самъ за соху, самъ вспаши и посѣй,— тогда у тебя уродится что, а то выдумаль тоже пахать поля чужими людьми,—должниками и заложниками. Ужъ, по-моему, что-нибудь одно: или ты купецъ, или ты—крестьянинъ.

Сынокъ только побарабанилъ ногтями по столу, кусая губы. Видимо, онъ уже ушелъ отъ крестьянина, но еще и не пристроился, какъ слѣдуетъ, къ купечеству, хотя объ этомъ, видимо, мечтаетъ.

Когда мы ушли отъ Никишенъки, старикъ уже вовсе разошелся:

— Не того я ожидалъ отъ старшаго сынка: думаль, онъ полюбитъ землю, а онъ отшатнулся отъ нея и пустился за богатствомъ. Онъ достигнетъ его, будетъ богатъ, но только потеряетъ свою жизнь и спокойствіе, и довольство. А вѣдь какъ жить-то можно здѣсь землей: одно скотоводство чего стоитъ для крестьянина, маслодѣліе, сыроварня. Ъшь, пей и веселись. Любо посмотрѣть на скотинушку, какъ она разгуливаетъ сытая по степи, а тутъ вдругъ какая-то торговля въ головѣ, чловѣкъ запутывается въ ней и вѣчно тревоженъ.

Когда мы были со старикомъ на улицѣ, намъ попались навстрѣчу съ поля подводы. На волахъ и лошадахъ ѣхали киргизы, и старикъ указалъ на нихъ, словно даже обрадовавшись этому случаю.

— Вонъ кто работаетъ на пашнѣ у моего Никиши — киргизцы, рабы! Ну, скажите, для этого мы ѣхали въ степь, чтобы заводить рабовъ и наживать на спинѣ ихъ деньги? Сказано въ Писаніи: „Въ потѣ лица своего ѣшь хлѣбъ“, а мы вмѣсто того завели торговлишку, обманъ, и вотъ ловимъ въ эту петлю бѣдныхъ киргизовъ и за-

ставляемъ ихъ отрабатывать взятое. Дикарь, вѣдь, онъ, не понимаетъ ничего, и его легко словить въ эту петлю и затянуть ее,—этого вотъ никакъ не хочетъ понять Никиша. Потомъ это маслодѣліе. Кинулся заводить заводъ, скупать молоко, наживать этимъ деньги. Выгодное дѣло это — нечего говорить, но тоже какъ-то противъ совѣсти простого человѣка. Также и сыровареніе. Не нравится мнѣ эта жадность человѣческая, выжимать изъ всего только одну копейку. Жаденъ сталъ народъ до копейки этой, нынѣ особенно: все норовить поставить въ нее, все дѣлаетъ не для собственнаго существованія, какъ жили мы ранѣе, а для капитала. По моему мнѣнію, капиталъ его погубить. Начнется вражда, найдутся завистники, устроятъ конкуренцію эту, которая теперь даже замѣтна и въ деревнѣ, и вотъ тебѣ хлопоты, убытки, порча крови. Нѣтъ, — заключилъ мой старикъ, — раньше жили мы какъ-то ладнѣе, что не гонялись за копейкой, — и было тише на душѣ, и спокойнѣе на сердцѣ. Не объ этомъ я мечталъ, когда переселялся въ эти степи!

— О чемъ же? — спросилъ я, видя, что дѣдъ мой сегодня особенно разговорился.

— А вотъ только и думалъ о томъ, чтобы было, что ѣсть, и было, гдѣ преклонить свою голову: при бѣдности много не желаешь. И хорошо было я устроился: уютно такъ, и распахалъ черноземъ, и раздѣлалъ бахчу, и развелъ скота порядочнаго, и ужъ не думалъ никакъ, что все это поведетъ сынковъ моихъ къ роскоши и наживѣ. За всѣмъ этимъ не угоняться, и если погонится нашъ братъ, — тутъ ему крышка: все пропало, — спокойствіе, миръ

на душѣ, даже вѣра въ Бога. Какая ужъ вѣра тутъ, когда нужно человѣку жить обманомъ при торговлѣ!

Помню, эти мысли старика-хохла на меня произвели тяжелое впечатлѣніе, и я больше еще заинтересовался судьбой этого поселка.

* * *

Нынѣшній годъ я совсѣмъ не засталъ въ этомъ поселкѣ старика: онъ уѣхалъ на родину, какъ бы убѣгая отъ этой степи. Но зато поселокъ засталъ такимъ разросшимся, что едва узналъ.

Понаѣхало много переселенцевъ; обстроилась быстро цѣлая улица по ту и другую сторону часовенки зелененькой; въ поселкѣ видны были киргизы и русскіе въ достаточномъ количествѣ, и даже пѣлъ и шатался кто-то пьяный.

У самого озера стояла паровая мельница. Подальше ея краснѣлся своими крышами маслодѣльный заводъ. Видимо, начиналась новая жизнь, совсѣмъ какая-то промышленная, а не деревенская, которая, вѣроятно, и выжила старика своею суетливостью и тоской по прежней жизни.

Въ голой степи паслись уже не одинокіе волы и рогатый скотъ маленькаго поселка, разгуливали цѣлыя стада коровъ для маслодѣльнаго завода, тутъ же паслись стадами свиньи породистыя, а на озерѣ плавали такія бѣлыя стада домашнихъ гусей, что можно ихъ было принять за перелетныя стада лебедей, какія бывали здѣсь въ старое время.

Природа уступала свое мѣсто промышленности, и человѣкъ уже не охотился, а велъ животно-

водство, не наслаждался природой, а выжималъ изъ нея копейку.

Дѣвушки не скакали лихо на степной дикой лошади, а сидѣли у окошекъ, нарядныя и сучныя, и молодые люди не пропадали на охотничьемъ промыслѣ, забросивъ даже ружья, а ходили съ гармоніями и пьянымъ разгуломъ.

Деревня превратилась въ заводъ, земледѣльцы — въ какихъ-то фермеровъ, озабоченныхъ сложными работами; руки замѣнились машиной. И я уже не нашелъ въ этомъ поселкѣ той доброй, радушно встрѣчающей прежде меня души, какъ не нашелъ въ немъ и того благодушія и довольства, яснаго своею жизнью.

Это была новая Россія. Даже измѣнился рѣзко самый языкъ, нарѣчіе. Хохолъ выродился въ какого-то жаднаго и не особенно привѣтливаго сибиряка.

Я пожалѣлъ, что не вижу болѣе добраго дѣда.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
На Шараповыхъ Кошкахъ.	3
Клуша.	24
Керимко.	41
Въ Киргизской степи.	63

Книгоиздательство Д. И. Тихомирова.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

	цѣна коп.
<i>Тихомировъ, Д. И.</i> Великая княгиня Ольга	1
<i>Пушкинъ, А. С.</i> Сказка о рыбацкѣ и рыбацѣ	1
<i>Его же.</i> Сказка о золотомъ пѣтушкѣ	1
<i>Киплингъ, Р.</i> Вѣрный другъ. Съ рис.	1
<i>Никитинъ, И.</i> Жена ямщика.	1
<i>Его же.</i> Моленіе о чашѣ	1
<i>Гольцевъ, В. А.</i> Что такое подати, и для чего ихъ собираютъ.	3
<i>Тихомировъ, Д. И.</i> Дѣти солнца и дѣти земли	3
<i>Его же.</i> Наканунѣ свободы просвѣщенной.	3
<i>Тихомирова, Е. Н.</i> Правда и кривда. Сказка. Съ рис.	3
<i>Ея же.</i> Сказка о горѣ-злосчастіи.—«Загадка»	3
<i>Свѣшниковъ, Е.</i> Любимая книга	3
<i>Гатцукъ, В. (Пер.).</i> Пара слѣпыхъ.	3
<i>Его же.</i> Владыка стекляннаго дома.	3
<i>Его же.</i> Стариннаго, твердаго закала.	3
<i>Его же.</i> Госпожа Крыса и Неизвѣстный	3
<i>Его же.</i> Карръ.	3
<i>Берлинъ, Я. Н.</i> Меньшіе братья въ семьѣ народовъ. Очерки быта и нравовъ дикарей. 17 очерковъ. Съ рис. За томикъ	отъ 3 до 8
<i>Эварницкій, Д. И.</i> Святки въ Малороссіи. Съ рис.	5
<i>Его же.</i> Добрый пастырь. Съ рис.	5
<i>Жоржъ-Зандъ.</i> Великанъ Іеусъ.	5
<i>Овсянниковъ, А. В.</i> Суворовъ. Съ рис.	5
<i>Опочининъ, Е. Н.</i> Рождественское богомолье воеводы.	5
<i>Его же.</i> Непутевый.	5
<i>Его же.</i> Въ прощенные дни	5
<i>Его же.</i> Вѣднячекъ.	5
<i>Уайльдъ, Оскаръ.</i> Принцъ-счастливецъ.	5
<i>Его же.</i> Дитя-звѣздочка	5
<i>Свѣшниковъ, Е.</i> Добрый старикъ	5

<i>Немировичъ-Данченко, В. И.</i> Одѣтая статуя	5
<i>Его же.</i> Крѣпостной геній	5
<i>Его же.</i> Гнѣвъ Аллаха	5
<i>Его же.</i> Мертвая бухта	5
<i>Его же.</i> Телушка	5
<i>Его же.</i> Забытый маякъ	5
<i>Его же.</i> Засыпанный колодезь	5
<i>Его же.</i> Цвѣты зла	5
<i>Наживинъ, И.</i> Дѣдушка Толстой	5
<i>Алферовъ, А. Д.</i> Бѣланскій, В. Г.	5
<i>Тихомирова, Е. Н.</i> Другъ несчастныхъ <i>О. П.</i> Гаазъ	5
<i>Линдеманъ, К. Е.</i> О червяхъ, опустошающихъ наши лѣса	5
<i>Твэнъ, Маркъ.</i> Смертный жребій	5
<i>Маминъ-Сибирякъ.</i> Сѣрая шейка	5
<i>Его же.</i> Земля не принимаетъ	5
<i>Его же.</i> Ангелочки	5
<i>Его же.</i> Кара-Ханымъ	5
<i>Его же.</i> Черная армія	5
<i>Его же.</i> Хитрый нѣмецъ	5
<i>Его же.</i> Послѣдняя треба	6
<i>Аксаковъ, К.</i> Аденькой цвѣточекъ	6
<i>Гатцукъ, В.</i> (Пер.). Во мракѣ невѣдомаго	6
<i>Порошинъ, Ив. А.</i> Дѣдушка Корнилій	7
<i>Альбовъ, М. Н.</i> Послѣдній день Іуды. Съ рис.	7
<i>Свѣшниковъ, Е.</i> Кузьма Мининъ	7
<i>Маминъ-Сибирякъ, Д.</i> Въ глуши	7
<i>Его же.</i> Сударь Пантелей—Свѣтъ Ивановичъ	7
<i>Немировичъ-Данченко, В. И.</i> Другъ	7
<i>Дружининъ, Н. П.</i> Формы правленія	8
<i>Эварницкій, Д. И.</i> Слепой баянъ <i>Тома Провора.</i> Съ рис.	8
<i>Уайльдъ, Оскаръ.</i> Юный король. День рожденія испанской принцессы.	10
<i>Его же.</i> Великанъ.—Дружба	10
<i>Берлинъ, Я.</i> Люди всякаго чина и званія. 6 выш. по	10
<i>Тихомировъ, Д. И.</i> Пушкинъ, А. С. Чтеніе для школъ и народа.	10
Сърис.	10

Тихомировъ, Д. И. Жизнь и труды В. А. Жуковского. Съ рис.. . .	10
Его же. О жизни Николая Васильевича Гоголя и его бессмертныхъ сочиненіяхъ.	10
Его же. Некрасовъ, Н. А. Чтеніе для школъ и народа. Съ портр. . .	10
Дружининъ, Н. П. Сельскій староста	10
Его же. Обновленіе одного города	10
Его же. Права человѣка и гражданина	10
Его же. Выборы народныхъ представителей	10
Андерсенъ. Три сказки.	10
Твенъ, Маркъ. Юмористическіе рассказы	10
Сизова, Е. Св. Филиппъ, митроп. Московскій	10
Эварницкій, Д. И. Три неожиданныхъ встрѣчи. Съ рис.	10
Носиловъ, К. Д. Таня Логай. Съ рис.	10
Острогорскій, В. П. Изъ народнаго быта	10
Цебрикова, М. Разсказъ няни	10
Ея же. Мой отецъ	10
Маминъ-Сибирякъ. Дорогой камень	10
Его же. Упрямый козель.	10
Его же. Дѣдушкино золото.	10
Немировичъ-Данченко, В. И. Воскресшая пѣсня.	10
Его же. Святой отецъ.	10
Его же. Дѣти конунга.	10
Его же. Наша сестра.	10
Его же. Затерянные въ океанѣ.	10
Его же. Змѣиный дѣдъ.	10
Его же. Нищій-правитель	10
Его же. Мірская печальница.	10
Его же. Страшные люди.	10
Его же. Призракъ закинешкихъ ночей.	10
Его же. Матросы св. Константина.	10
Его же. Ночные огни.	10
Дружининъ, Н. П. Палаты народныхъ представителей.	12
Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Вольный крестьянскій врачъ С. И. Сычуговъ. Съ портр. .	12
Абрамовичъ, Н. Дѣтскіе годы Чехова	12
Бирюковъ, П. М. Н. Толстой	12
Немировичъ-Данченко, В. И. Черный графъ.	12

<i>Брусянинъ, В.</i> Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ	15
<i>Шведеръ, Е.</i> Въ деревнѣ	15
<i>Экъ, Е.</i> Вѣрные друзья	15
<i>Тихомировъ, Д.</i> Майковъ, А. Н. Полонскій, Я. П.	15
Его же. Плещеевъ, А. Н.	15
Его же. Хомяковъ, А. С., К. С. и И. С. Аксаковы	15
Его же. Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя стихотворенія. Съ рис.	15
Его же. Крыловъ, И. А. Избранныя басни. Съ портр.	15
<i>Тихомирова, Е. Н.</i> Картинки изъ японской жизни. Со мног. рис.	15
<i>Ожешко, Элиза.</i> Юльянка. Городская картинка.	15
<i>Опочининъ, Е. Н.</i> Въ деревнѣ на охотѣ.	15
<i>Тихомирова, Е. Н.</i> Сильные сердцемъ. Съ рис.	20
<i>Лавровъ, Вук. М.</i> Дѣти-артисты и другіе рассказы. Съ рис.	20
<i>Гостевъ, В.</i> Житейская мудрость или дядя Симонъ. Ч. I и II по	20
<i>Опочининъ, Е. Н.</i> Изъ давнихъ лѣтъ.	20
<i>Любичъ-Кошуровъ.</i> Рассказы.	20
<i>Берлинъ, Я. А.</i> Старшіе братья въ семьѣ народовъ. 4 очерка. За томикъ отъ	8 до 20
<i>Вѣлоусовъ, И. А.</i> Родной уголокъ. Съ рис.	20
<i>Толстой, Л. Н.</i> Первый и второй сборники рассказовъ, под. ред. Д. И. Тихомирова.	20 и 25

Подробный каталогъ книгоиздательства высылается бесплатно.

НОВЫЯ КНИГИ:

АЛЕКСѢЕВЪ, В. Восточный вопросъ. Съ рис. Ц. 10 к.

— Война въ исторіи Россіи. Съ рис. Ц. 20 к.

АЛТАЕВЪ, А. Крупеничка. Изъ русскихъ народныхъ сказаній. Съ рис. Ц. 5 к.

— Въ лѣсу. Съ рис. Ц. 5 к.

— Забавники. Съ рис. Ц. 10 к.

— Въ поискахъ счастья. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Съ рис. Ц. 20 к.

— Королевичъ и мавритенокъ. Древне-герм. легенда. Съ рис. Ц. 5 к.

— Кружка слезъ. Старо-герм. сказаніе. — **Къ свѣту.** Сказка. Съ рис. Ц. 5 к.

— Фигурка. Съ рис. Ц. 15 к.

— Атаманъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 5 к.

— Не вынесъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 5 к.

— Новый годъ. — Сквиорчикъ. Сказки. Съ рис. Ц. 5 к.

— Маята. Разсказъ. Съ рис. Ц. 10 к.

— Панычъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 10 к.

— Подъ гнетомъ инквизиціи. Историческая повѣсть. Съ рис. Ц. 80 к.

— Великій сказочникъ. Біографическій разсказъ. Съ рис. Ц. 35 к.

— Мигуэль Сервантесъ. Біографическая повѣсть. Съ рис. Ц. 40 к.

— Бенвенуто Челлини. Біографическая повѣсть. Съ рис. Ц. 60 к.

— Божья елка. Разсказъ. Съ рис. Ц. 10 к.

— Лѣсное дитя. Легенда. Съ рис. Ц. 10 к.

ГАТЦУКЪ, В. (Перев.) Лѣсные воздухоплаватели. Съ рис. Ц. 5 к.

Законъ о высшихъ начальныхъ училищахъ. — Законъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 20 к.

ИНФАНТЬЕВЪ, П. Воръ. Изъ жизни вогуловъ. Съ рис. Ц. 5 к.

— Гнѣвъ шайтана. Вогульское преданіе изъ временъ покоренія Сибири. Съ рис. Ц. 10 к.

КАРАСКЕВИЧЪ-ЮЩЕНКО, С. Св. Евфросинія. Ц. 7 к.

— Св. Янка-нняжна. Родное преданіе. Ц. 10 к.

ОБУХОВЪ, А., СЪРОПОЛКО, С. и ЧЕХОВЪ, Н. Каталогъ учительской бібліотеки. 2-е исправленное изданіе. Ц. 10 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“ („Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ завед., въ городскія, по положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

бесплатныхъ приложений.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальнь.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:

Безъ доставки на годъ	4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ	5 р. — к.
Съ достав. и пересылк. на годъ	5 » — »	Съ достав. и перес. на годъ	6 » — »
Безъ доставки на $\frac{3}{4}$ года	3 » 50 »	Безъ достав. на $\frac{3}{4}$ года	3 » 75 »
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года	3 » 75 »	Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года	4 » 50 »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года	2 » 25 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года	2 » 50 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года	2 » 50 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года	3 » — »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года	1 » 15 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года	1 » 25 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года	1 » 25 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года	1 » 50 »

Подписная цѣна на „Педагогическій листокъ“ (безъ „ЮНОЙ РОССИИ“) **ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.**

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.

За переѣзду адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 руб., $\frac{1}{2}$ стран.—20 руб.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

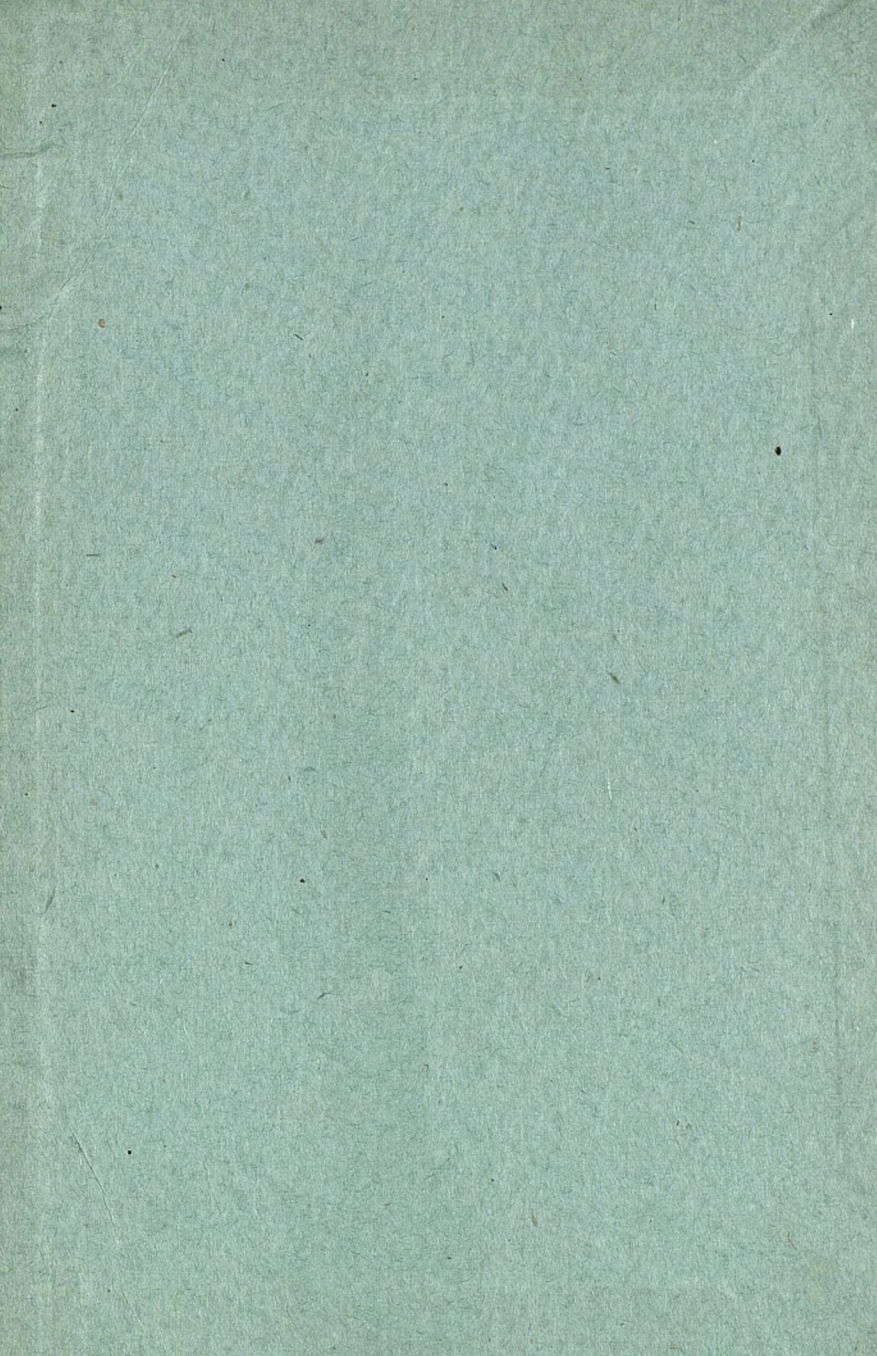
Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ, домъ № 18—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССИЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается бесплатно.

2007084146